Тайну прошепчет лавина

Автор:
Людмила Мартова

Тайну прошепчет лавина

Людмила Мартова

Желание женщины

Их, как в классическом английском детективе, было десять. Незнакомых между собой мужчин и женщин, приехавших на турбазу горнолыжного курорта. Они очень разные – столичный продюсер, личная помощница олигарха, известный врач, стареющая красотка, бизнесмен из провинции, женщина-следователь, невозмутимый викинг-иностранец. Общее у них лишь одно: ненависть к хозяину базы Олегу Девятову. У одних это чувство совсем свежее, а у других – давнее, крепкое, тяжелое, как слежавшийся снег…

Людмила Мартова

Тайну прошепчет лавина

Все события вымышлены, любые совпадения случайны

Кайди Лааньярв и ее прекрасным детям Эмилии и сэру Ланселоту за источник вдохновения и невыдуманные истории.

«Умение прощать и ни о чем не думать может быть крайне полезно».

«Она улыбнулась, и мне показалось, что весь мир стал светлее».

Ремарк Э. М. «Три товарища»

© Мартова Л., 2021

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

* * *

Из ленты новостей: «Все внимание сейчас приковано к Краснокаменску. В ночь со 2 на 3 февраля там произошла трагедия – при сходе лавины погибли три человека: директор базы отдыха «Оленья сторожка» Олег Девятов, его жена Ирина и их полуторагодовалый ребенок. Старший, пятнадцатилетний, сын находится в реанимации. Десять постояльцев турбазы не пострадали. Их жизни находятся вне опасности. Сход лавины был зафиксирован в половине второго ночи. По предварительной оценке, ее размеры составляют около 300 квадратных метров. ЧП случилось без видимых причин. Следственный комитет начал проверку».

Глава первая

Патриция стояла над раскрытым чемоданом и задумчиво изучала его содержимое. Ей казалось, что, собирая вещи, она руководствовалась исключительно здравым смыслом, но здесь, на турбазе, целесообразность виделась совсем не так, как в Москве.

Конечно, костюм – легкий и теплый, купленный специально для этой поездки, оказался очень даже в тему, так же, как и удобные высокие ботинки-дутики. Подруга Люська – заядлая горнолыжница и сноубордистка – очень советовала прикупить гейтор, он же неквормер, он же просто бафф – широкий шарф трубой,

надежно защищающий голову и шею от снега и ветра. Перчатки, в том числе и запасные, три пары шерстяных носков, термобелье, спасающее от непогоды и возможной прохлады в доме. Все указания Патриция выполнила, хотя в доме оказалось так натоплено, что было не только тепло, а даже жарко.

Дом ей вообще нравился, ей было по вкусу все основательное, сделанное без излишней помпы, но добротно и с заботой о комфорте постояльцев. Деревянный, из толстых вековых бревен, на первом этаже дом имел большой обеденный зал, в котором стояли огромный дубовый стол и тяжелые стулья, а с потолка свисали тяжелые хрустальные люстры с тысячей подвесок, не меньше.

На мягких кожаных диванах и в креслах хотелось сидеть, не вставая, ноги утопали в пушистом ковре с длинным ворсом, в камине многообещающе трещал огонь. В огромном, от пола до потолка, витражном окне расстилалась белая снежная гладь, от которой днем становилось больно глазам, а за ней вставали горы. Те самые, с которых Патриции предстояло научиться съезжать.

Конечно, затея отправиться сюда, за четыре с лишним тысячи километров от дома, была чистой воды авантюрой, но за прошлый год Патриция так соскучилась по путешествиям, что любую перемену мест воспринимала как подарок судьбы. Идея поехать в Красноярский край кататься на лыжах принадлежала подруге Люське. Здесь было дешевле, чем в Сочи, на Красной Поляне, куда в этом году, кажется, отправились все знакомые. Как раз от них Люська и сбегала, приходя в себя после неудачного романа, а Патриции было все равно. Красноярск так Красноярск. Точнее, Краснокаменск.

Кто ж мог знать, что практически перед самым выездом Люська заболеет и останется дома, надсадно кашляя и сбивая огромную температуру. То есть, конечно, в нынешние времена предполагать такую возможность, готовясь к поездке, следовало, но, как ни странно, ни сама Люська, ни Патриция вообще не думали о плохом, а потому, столкнувшись с неизбежным, немного растерялись.

Отказаться от столь вожделенного отпуска и остаться в Москве из солидарности с подругой, коротая в кои-то веки выпавшие свободные дни на диване перед телевизором и с книжкой в руках, или улететь одной, при этом ни разу в жизни не стояв на горных лыжах? С выбором Патриция промучилась все оставшиеся до отъезда три дня, а потом все-таки полетела, решив, что не пропадет. В конце концов, и в Красноярском крае люди живут.

И вот она была здесь, в гостеприимном деревянном доме, про который ей все время казалось, будто он дышит. Помимо гостиного зала со столом, камином, диванами и домашним кинотеатром, на первом этаже также располагались просторная кухня со всем необходимым оборудованием, отделенная от гостиной лишь небольшим подиумом, финская сауна с комнатой отдыха, гостевой санузел, комната для персонала, где можно было разжиться утюгом и гладильной доской, а также две спальни.

Зачем на турбазе гладильная доска, Патриция вначале не поняла, но через два часа после приезда, заявившись на первый в новом месте ужин в одном из двух взятых с собой спортивных костюмов и кроссовках, увидела постоялицу одного из нижних номеров в маленьком черном платье с открытой спиной. Поняв, что утюг в здешних широтах вещь все-таки необходимая, она и стояла сейчас над своим открытым чемоданом, уныло пытаясь понять, как жить в оставшиеся шесть дней. Маленького черного платья у нее не было, и вообще ничего, кроме спортивной одежды не имелось, не считая джинсов и свитера, конечно. За вечерний наряд они не могли сойти даже в первом приближении.

Ее номер, не очень большой, но уютный, с огромной двуспальной кроватью, встроенным шкафом, сушилкой для лыжной одежды и очень комфортной и стильной ванной комнатой, располагался на втором этаже. Как знала Патриция из описания базы, изученного на сайте вдоль и поперек, здесь располагались еще два таких номера, а также один двухкомнатный люкс. Интересно, сколько всего на базе сейчас гостей?

Шумная незнакомая компания страшила Патрицию, и она вдруг остро пожалела, что приехала в Краснокаменск, да еще в одиночку. А вдруг кто-нибудь из гостей будет навязчив? Как она справится, если это случится? Думать о неприятном не хотелось, зато все явственнее давал о себе знать голод: с раннего завтрака в самолете она ничего не ела, а запахи с первого этажа доносились дразнящие.

Еще раз бросив отчаянный взгляд на чемодан, как будто от этого в нем могло появиться что-то приличное, чего Патриция туда не клала, она легонько вздохнула, захлопнула крышку и снова сбежала по лестнице вниз, смиряясь с неизбежным.

Дама с голой спиной все так же стояла у окна, листая какой-то журнал. На вид ей было лет сорок, хотя, надо признать, она всеми силами пыталась это скрыть. Лицо было подтянутым, немного неестественным, как всегда бывает у женщин,

злоупотребляющих услугами косметолога, а еще очень уставшим, почти измученным.

При звуке шагов дама повернулась, быстрым цепким взглядом окинула Патрицию с головы до ног, явно оценив недешевый спортивный костюм и кроссовки престижного бренда, чуть задержалась на перехваченных резинкой для волос буйных кудрях, которые сама Патриция считала главным своим достоинством, и шагнула вперед, по-мужски протягивая руку.

– Здравствуйте, я Карина Матяш. Хозяйка сказала, что вы приехали одна, я тоже, так что рада, что нам обеим не придется прозябать в одиночестве.

Чего-чего, а одиночества Патриция как раз не страшилась. Оно было ее прибежищем, ее отрадой, ее уютной раковиной, в которой можно было надежно укрыться от несовершенства окружающего мира. С самой собой Патриции никогда не было скучно, а потому чужой компании она, как правило, не искала.

– Приятно познакомиться, – вежливо ответила она, покривив душой, – Патриция Леман. Я действительно приехала одна, потому что моя подруга заболела, а отменять поездку в последний момент не захотелось.

– Какое у вас необычное имя, – прищурившись, сказала ее новая знакомая. – Вы из этнических немцев?

– Папа – немец, мама – русская, – сухо ответила Патриция, предпочитая не вдаваться в особенности своей биографии. – Меня назвали в честь папиной любимой книжной героини, что, несомненно, добавило мне в детстве проблем.

Договорить она не успела, потому что с лестницы с грохотом скатился русоволосый мальчик лет четырех, одетый почему-то в костюм единорога. Кажется, такой вид одежды назывался кигуруми.

– Папагой, – возвестил он, подойдя к Патриции и требовательно глядя на нее.

– Что? – не поняла та.

– Мне нужен мой папагой. Ты его видела?

В речи мальчика было что-то неправильное, какой-то легкий акцент, что ли. Или просто ему нужен логопед? Как бы то ни было, Патриция понятия не имела, о чем именно он спрашивает.

– У меня его нет, – ответила она и даже развела руками. – Может быть, ты в другом месте поищешь? А потом покажешь мне, ужасно хочется на него посмотреть.

– Ланс, сэр Ланселот Нильс, – послышался с лестницы мелодичный, очень приятный женский голос, а затем показалась и его обладательница – высокая худощавая женщина с нежными чертами лица и огненно-рыжими волосами. Она снова заговорила, только теперь Патриция не понимала ни слова.

– Вы на каком языке говорите с сыном? – спросила из-за ее спины Карина.

Патриция поморщилась, потому что не любила бесцеремонности.

– На эстонском.

– На эстонском? Ни за что бы не догадалась.

Патриция снова поморщилась, потому что не любила банальности.

– Давайте знакомиться, – на правильном русском языке произнесла между тем высокая красотка. Патриция невольно ею любовалась, поскольку живые, полные внутреннего огня глаза придавали лицу незнакомки особую прелесть. – Меня зовут Кайди Ратсепп. А этот маленький сорванец мой сын. Лансюша, скажи тетям, как тебя зовут.

– От. Поисс, – непонятно, но весьма дружелюбно сообщил мальчишка, чьи кудрявые волосы делали его похожим на ангела.

– Поиски – по-эстонски мальчик, – пояснила Кайди, а От – это сокращенно от Ланселот Нильс. Мы с мужем между собой зовем нашего сына сэр Ланселот.

– Почему? – не поняла Карина, явно не слышавшая ни о короле Артуре, ни о рыцарях Круглого стола.

Патриция вздохнула.

– Неважно, не берите в голову, – махнула рукой Кайди. – С нами еще наш папа Айгар и наша старшая дочь Эмилия. А вы?

– Это Карина, а я – Патриция.

– Оу, если ваша фамилия Хольман, то я буду с вами фотографироваться, – вскричала Кайди, явно более начитанная, чем Карина. – Обожаю «Три товарища». Это моя самая любимая книга у Ремарка.

– Нет, моя фамилия Леман, но мой папа тоже обожал Ремарка и мог цитировать «Трех товарищей» без остановки. Близкие зовут меня Пат или Триш. Более оригинально сократить мое имя непросто. Кайди, вы приехали сюда кататься на лыжах из Эстонии?

– Да, понимаю, что это выглядит странно, но мой муж родом из этих мест, – охотно пояснила женщина. – Уехал в Эстонию в девяностых годах, тогда многие отправлялись на историческую родину. Он предприниматель, у него бизнес, который требует довольно частых поездок в Россию. Так что мы путешествуем вместе с ним. Летом – в Москву, а сейчас решили сюда, в Красноярский край. Мы обожаем горные лыжи, а в этом году, сами понимаете, выбор не очень велик.

– Да, иначе бы мы тут все вряд ли отказались. Хотя я, надо признаться, на лыжах не стояла ни разу в жизни, это меня подруга подбила, а сама заболела.

– А я здесь по работе, – сообщила Карина, которой, судя по всему, наскучило следить за чужим разговором. – Я менеджер по туризму. Осматриваю новые продукты для наших клиентов. Вы правы, в этом году приходится изворачиваться, чтобы чем-то заменить полюбившиеся людям варианты. Но, судя по всему, тут очень даже неплохо. А вы кем работаете?

– Я… – Кайди вдруг на мгновение запнулась. Легкая тень пробежала по ее лицу и тут же пропала, – я только что вышла из декретного отпуска. Три года не работала, так что, боюсь, весь профессионализм теперь придется накапливать заново.

– А я – личный помощник, – Патриция решила прийти ей на помощь и переключить внимание любопытной Карины. – Покупка билетов, сопровождение встреч, расписание, дети в школу, машина на мойку, вот это все.

– Интим с шефом в служебные обязанности входит? – деловито спросила Карина.

От этого простого и тоже до оскомины банального вопроса у Патриции потемнело в глазах. Она глубоко вздохнула и задержала воздух в груди, чтобы не сорваться.

– Нет, не входит. А вот переводы с трех языков, один из которых китайский, да.

– То есть интим по отдельному тарифу, – глубокомысленно хмыкнула собеседница, окинув взглядом все тот же спортивный костюм, несмотря на бренд, не шедший ни в какое сравнение с маленьким черным платьем. – Вариант «по любви» я, простите, отметаю. Вы в своем костюме от Армани на «такую» не похожи.

«Не сорваться, не сорваться», – твердил кто-то маленький и злой, живущий внутри Патриции. Это было трудно, но ее спас юный сэр Ланселот, с новой силой возопивший:

– Папагой!

– Чего он хочет? – полюбопытствовала Патриция.

– Ищет своего попугая. Понимаете, привычные для большинства детей логопедические проблемы в нашем случае еще накладываются на трудности, с которыми сталкиваются все билингвы. Сэр часто смешивает русские и эстонские слова, которые к тому же неправильно запоминает и не может четко произнести. В нашей семье это постоянный повод для шуток. Ланс, тут нет твоего попугая, ты совершенно зря выскочил из номера, пойдем, а то папа и Эмилия нас потеряют. Поищем попугая внутри.

– У вас люкс, – догадалась Патриция.

– Да, вчетвером в двухместном номере было бы трудновато, особенно с таким подвижным ребенком, как юный сэр. Ланс, пойдем.

И они поднялись по лестнице и скрылись в своем номере, снова оставив Патрицию и Карину наедине. Впрочем, ненадолго. Открылась входная дверь, и в комнату вплыла хозяйка турбазы. Ее Патриция видела при заселении, а потому знала, что женщину зовут Ириной. Внешне она выглядела ровесницей Патриции, может, на пару лет моложе. Муж же ее, Олег Девятов, был существенно старше, лет сорока пяти. Такие разновозрастные браки всегда интересовали Патрицию до невозможности, поэтому к Девятовым она присматривалась с жадным вниманием. Впрочем, как и Карина. Ее острый, направленный на Ирину взгляд, казалось, прожигал в той дыру.

Ирина с шумом высыпала у камина связку дров.

– Мужчины спустятся к ужину, спросите, сами они растопят камин или надо работника прислать, – попросила она. – Официанты сейчас придут и стол накроют. Думаю, что минут через десять все будет готово.

– Много в доме гостей? – спросила Патриция.

– Вместе с вами десять человек. Все комнаты заняты.

– А вы где ночуете?

– У нас свой отдельный дом на территории, – Ирина говорила вежливо, но не очень охотно. – Мы же здесь круглый год обитаем, базу нельзя оставить без надзора даже в межсезонье. Да и животные требуют пригляда. Работников мы, конечно, распускаем, но сами остаемся.

– Животные?

– Здесь же оленья ферма, – вступила в разговор Карина, видимо, разрабатывая новые туристические маршруты, она с вниманием относилась к мелочам. – База называется «Оленья сторожка» не просто так. Тут разводят оленей, так что, с точки зрения туристической привлекательности, место, несомненно, имеет свою фишку.

Патриция вдруг подумала, с каким восторгом воспримет известие об оленях маленький «мальчик От». Еще бы, детям здесь иначе было бы совсем скучно. Кстати, о детях.

– А дети ваши тоже круглый год тут живут? – спросила она у Ирины, скорее, для поддержания разговора, чем из интереса. – Насколько я понимаю, до ближайшей школы довольно далеко.

– Не очень, – все так же сдержанно пояснила Ирина. – Нашему младшему сыну полтора года. А что касается старшего, то он ходит в школу, расположенную здесь, в поселке. Мы же фактически на окраине, пусть и в стороне. На машине до школы двадцать минут, Олег возит дважды в день. А куда деваться.

– Ваша комната на втором этаже? – спросила Карина у Патриции.

– Да.

– Интересно, кто мой сосед на первом? – Женщина потянулась всем своим, надо отметить, роскошным телом. – Признаться, в такой глуши бывает довольно страшно ночью, так что я бы предпочла иметь в соседях крепкого мужчину.

– Не сомневаюсь. – Патриции показалось или в тоне Ирины сквозила язвительность?

Впрочем, подумать над этим она не успела, потому что хлопнула дверь в коридоре, и из того самого второго номера на первом этаже появился мужчина, высокий и плечистый, довольно красивый, именно такой, каким только что грезила Карина. Патриция не удержалась и хрюкнула от смеха.

– Что? У меня чернильное пятно на носу или прыщ на подбородке? – уточнил вошедший.

Она покачала головой, давая понять, что все в порядке, а ее смех к нему не относится.

– Это радует. Добрый вечер, меня зовут Павел.

– Карина.

– Патриция.

– Кайди. – С лестницы вновь спустилась прекрасная эстонка, а следом за ней члены ее семьи. – А это моя дочь Эмилия, сын Ланселот и муж Айгар. Здравствуйте.

– Начинаю испытывать комплекс неполноценности от того, что я всего-навсего Павел, – пробормотал жилец с первого этажа. – Боюсь, дамы и господа, у меня не получится с первого раза правильно запомнить ваши имена.

– Ничего страшного, потренируетесь, – Карина явно шла на сближение, по крайней мере, смотрела она на Павла весьма призывно, то и дело облизывая нижнюю губу, весьма пухлую.

Патриции снова стало смешно. Айгар, муж Кайди, оказался похож на викинга – высокий, крепкий, широкоплечий, со светлыми волосами и ярко-синими глазами, он удивительно подходил своей худощавой высокой жене, и Патриция невольно залюбовалась этой парой, поскольку ей нравилось смотреть на красивое.

Эмилия оказалась светловолосой и тоже высокой, видимо, в мать, а маленький Ланс прижимал к груди большого мягкого попугая и выглядел умиротворенным, из чего Патриция сделала вывод, что «папагой» все-таки нашелся.

В дом, стряхивая снег с ботинок, вошли официанты – двое молодых мужчин, несущих термосумки с едой, начали ловко и споро накрывать на стол.

– Рассаживайтесь, – пригласила Ирина, – сегодня у нас на ужин печеная картошка, соленые грибы со сметаной и луком, оленьи язычки в желе, домашние колбаски на гриле, форель, запеченная в соли. Для детей сосиски отварены, если они вдруг что-то не будут.

– Я буду домашние колбаски, – сообщил сэр Ланселот, – а кровяной колбасы нет?

– Нет, – ответила Кайди и снова перешла на эстонский, видимо, объясняя сыну особенности местной кухни, не предусматривающие подачу кровяной колбасы.

– Вы на каком языке разговариваете? – спросила Ирина.

Патриция заметила, как коротко, одними губами усмехнулся Павел, видимо, тоже не терпел бесцеремонности.

– На эстонском, – спокойно ответил Айгар.

– Как необычно, я думала, на финском. Хотя мой муж имел какое-то отношение к Эстонии, по крайней мере, он упоминал какой-то эстонский то ли остров, то ли город, название не помню.

– Бывает. – Да, было похоже, что «викинг» не разбрасывается словами попусту.

Начали неспешно рассаживаться вокруг большого стола. Павел отодвинул для Патриции стул, она поблагодарила его глазами, успев заметить, как недовольно скривилась Карина.

– А разве все гости уже в сборе? – спросила та. – Или мы не будем никого больше ждать?

– Еще трое мужчин, – охотно пояснила Ирина. – Один наверху, в своей комнате, думаю, что сейчас спустится, а еще двое – друзья, забронировавшие один номер на двоих, пока не подъехали, но мы ждем их с минуты на минуту.

– Номер на двоих? Надеюсь, они натуралы, а то, признаюсь, компания начинает казаться мне скучной, – капризно сказала Карина, бросив многозначительный взгляд на Павла. – От настоящего мужского плеча рядом я бы не отказалась.

Патриции надоело смотреть на это представление, отдающее дурновкусием, а потому она деловито наложила в тарелку исходящей паром картошки и горку скользких белых груздей, пересыпанных луковыми колечками, сделала сверху нашлепку из жирной сметаны, наколола гриб на вилку, макнула в сметану, положила в рот и зажмурилась от удовольствия. Вкусно.

Заскрипела лестница, и в зал спустился невысокий, довольно плотный, но подвижный мужчина лет сорока пяти, в дорогих очках и отчего-то стеганой бархатной домашней куртке с кистями. На горнолыжной базе куртка выглядела

неуместно, а в сочетании с коктейльным платьем Карины и просто нелепо. К радости Патриции, все остальные гости были одеты, как она: Кайди, Эмилия и Павел в спортивные костюмы, Айгар и маленький Ланс – в джинсы и толстовки. Вот и славно.

– Добрый вечер, – произнес тем временем новый гость. – Меня зовут Аркадий Петрович. Приятно познакомиться.

Компания вразнобой поздоровалась, занятая ужином.

– Вы откуда? – спросил Павел, видимо, для поддержания разговора. – Местный или из Москвы?

Простой вопрос почему-то привел гостя в смятение. Он суетливо сорвал очки, протер их вынутой из кармана бархоткой, водрузил обратно на нос.

– Из Москвы, – наконец сказал он. – Разумеется, из Москвы.

– И это так странно. – Ирина, закончившая расставлять тарелки со снедью и уже собиравшаяся уходить, вдруг остановилась как вкопанная. – Я все пыталась понять, что не так, и только сейчас поняла. В этот заезд все неместные. Вот ведь чудеса.

– Почему чудеса? – не поняла Патриция. – Разве у вас не бывало раньше гостей из других мест?

– Да, бывали, разумеется, – то ли с досадой, то ли все с тем же недоумением объяснила Ирина. – Понимаете, «Оленья сторожка» – довольно популярное место отдыха именно у жителей Норильска. Все знают, что здесь можно заниматься и начинающим, и уже матерым лыжникам и сноубордистам. Ехать недалеко, условия хорошие, канатка и подъемник новые, инвентарь напрокат можно взять, кормим вкусно, да еще и для детей развлечение есть – питомник с оленями. По сравнению с Альпами и Сочи цены у нас доступные. Так что едут к нам из Москвы, но одна пара там или две. Ну, еще вариант – целая компания, забронировавшая турбазу целиком. Но чтобы вот так, по отдельности, такое впервые.

– Не вижу ничего странного, – Павел пожал плечами, – тем более что из Москвы только Карина, Патриция и Аркадий, э-э-э, Петрович. Я из Архангельска, Айгар и Кайди вообще из Эстонии, а про тех двоих, кто еще не приехал, мы вообще пока не знаем, откуда они.

– Мы приехали, – послышался от двери веселый мужской голос, и в комнату ввалились два парня лет тридцати шести – тридцати восьми, оба с модной щетиной на щеках, в ярких пуховиках и весьма дорогих спортивных ботинках. При виде их Карина повела плечами, спуская вырез платья пониже, а Ирина вздохнула, глядя, как опадает на расстеленный на полу ковер мокрый снег. – Я Эдик, он – Серега, Сергей, и мы жутко голодные с дороги.

– Ваша комната наверху, номер шесть, пожалуйста. Располагайтесь и спускайтесь, ужин на столе, – велела хозяйка дома. – Я, с вашего позволения, вас оставлю, мне нужно покормить семью и уложить младшего сына спать. Вечером я к вам загляну, чтобы рассказать, как у нас тут все устроено. Надеюсь, что вы найдете общие темы для разговора, ведь в компании друг друга вам предстоит провести шесть дней. И в нашей с мужем компании тоже.

Лучезарно улыбнувшись напоследок, Ирина исчезла. Хлопнула входная дверь, и на мгновение в домике стало тихо.

– Ну что же, – прервал неловкую паузу Айгар, – давайте выпьем за знакомство, что ли. Кстати, если кому удобнее, то меня можно звать Гариком.

– А меня От. Поисс, – тут же вставил юный сэр Ланселот. – А это мой папагой.

– Мальчик Ланселот, – пояснила вновь прибывшим Кайди и что-то сказала сыну по-эстонски.

– Это на каком языке? – спросил парень, которого звали Серегой.

Айгар вздохнул и пояснил на каком.

– Какая экзотика. Первый раз слышу эстонскую речь, – с искренним изумлением сказал парень.

Патриция весело рассмеялась и с удовольствием начала поглощать свой вкусный ужин, вдруг почувствовав, что ужасно проголодалась. Вокруг нее шумела разношерстная, но явно неплохая компания, состоящая из четырех мужчин, трех женщин и двух детей.

* * *

Иногда мне кажется, что все позади. Тягостные воспоминания погребены под лавиной других, не таких важных, не столь болезненных, просто более свежих, ведь в нашей жизни каждый день находится тысяча поводов для эмоций, которые слой за слоем, шаг за шагом стирают старые воспоминания, заставляя их тускнеть.

Да, иногда кажется, что мне удалось забыть. Но потом яркая вспышка света ударяет по глазам, внутри черепной коробки взрывается сгусток боли, стремительно распространяется взрывной волной, заполняя собой все пространство, разметает мысли и чувства, убивает силу воли, благодаря которой ты стараешься не думать, не вспоминать.

Страшно терять свою семью. Вдвойне страшно, когда эта потеря – результат не смертельной аварии или страшной болезни, не стечение обстоятельств, а следствие чужой, тщательно спланированной подлости. Страшно втройне, когда эту подлость придумал и воплотил близкий тебе человек. Тот, ближе которого у тебя не было.

До шестнадцати лет у меня был брат. Родной старший брат, вписывающийся за меня в любой школьный конфликт, помогающий с уроками, защищающий от родительского гнева. До шестнадцати лет у меня была семья, в которой меня не всегда понимали, но точно любили. По крайней мере, мне так казалось.

С тех пор прошло очень много лет. Но я до мельчайших подробностей помню тот день, когда всего этого у меня не стало. Ни брата, ни семьи, одно только неизбывное одиночество. Как оказалось, оно не проходит только от того, что рано или поздно ты оказываешься среди людей. От сковавшего тебя холода не спасает собственная семья, любимые рядом, их поддержка, ласка, внимание и готовность мириться с твоим настроением, когда тебя «накрывает».

Я помню ту последовательность сменяющихся внутри чувств – от непонимания через удивление к изумлению, ужасу и отчаянию, – когда до тебя вдруг начинает доходить, что тебя предали. Вы скажете мне, что любой человек рано или поздно сталкивается с предательством. Но когда тебя предает собственный брат, когда в искусно состряпанную им чудовищную ложь безоговорочно верят родители, а тебе при этом всего шестнадцать, ты не думаешь о том, что так бывает со всеми.

В этот момент ты просто в одиночестве стоишь на вершине высокой, совершенно голой скалы, под которой бушует бездонное море. С грохотом срываются вниз камни под твоими ногами, утес становится все меньше, и ты понимаешь, что сейчас свалишься в пучину, и море поглотит тебя, сомкнет волны, навсегда закрыв солнечный свет. Поверьте, больше никогда в жизни мне не было так больно.

Когда ты осознаешь, что тебя предали, ты делаешь единственно возможное – поворачиваешься и уходишь. Обычно так поступают с приходом взрослости, но мне пришлось уйти, когда мне было всего шестнадцать. Нет, не уйти, уехать. Поменять город и окружение, лишиться семьи и привычного образа жизни, а главное – веры в людей. Тогда меня спасли бабушка и дед, которые не дали пропасть, вытащили из пучины отчаяния, вдохнули веру в себя и надежду на то, что когда-нибудь все обязательно наладится.

Благодаря им я выжил. Стал взрослым. Научился прощать. На это ушло много лет. Чем дальше уводила меня жизнь от того нескладного, смертельно раненного подростка, который никак не мог понять, почему в одночасье лишился родителей и брата, тем больше готовила к тому, чтобы однажды понять, а вслед за тем и простить.

Несколько раз мне казалось, что все получится. В смысле, воссоединение семьи состоится, потому что там, дома, вернее, в месте, которое когда-то было моим домом, меня все так же любят и ждут. Мне было двадцать три, когда умер дед, а вслед за ним, спустя месяц, ушла из жизни бабушка. Тогда мне казалось, что смерть – прекрасный повод для прощения, но телеграмма, отправленная родителям, осталась без ответа. Они не приехали на похороны. Ни на первые, ни на вторые, ни на девятый день, ни на сороковой.

Мне было трудно это понять, и снова навалившееся одиночество плохо способствовало прощению, задушив его в зародыше. Потом у меня появилась

собственная семья и мне снова показалось, что новая жизнь – прекрасный повод для прощения, но и эта телеграмма тоже осталась без ответа. Ни меня, ни моих любимых потерянная когда-то семья вовсе не стремилась видеть. Они так и не простили мне свое предательство.

Когда родителей не стало, это тоже выяснилось случайно. Рассказал одноклассник, проездом оказавшийся в моем городе. Брат даже не счел нужным дать мне телеграмму, и примирение в очередной раз отодвинулось на неопределенный срок, да и прощать стало практически некого. Из троих предателей остался он один. Мой брат.

Много лет мне казалось, что я не нуждаюсь в том, чтобы его простить. Можно было просто жить, работать, любить СВОЕГО человека, дарованного мне богом, видимо, в награду за все предыдущие страдания. Но с годами желание увидеть брата, посмотреть ему в глаза, спросить, почему так получилось, узнать даже не о том, раскаялся ли он, нет, о том, сожалел ли хотя бы раз, пусть всего лишь одну короткую минуту, о совершенном им, становилось все сильнее.

В год пандемии мне случилось сильно заболеть. Очень сильно, почти смертельно. Три дня пришлось балансировать на зыбкой грани, отделяющей мир живых от мира мертвых, и только чудо не дало мне соскользнуть туда, откуда уже не было возврата. Все эти три дня мне постоянно чудился брат: виделся в бреду, снился во сне. Когда болезнь отступила, откуда-то пришло понимание, что это было не просто так, это знак, что дыру в прошлом все-таки надо закрыть, заштопать.

«Оленья сторожка». Место, в котором я смогу увидеть своего брата, называется очень поэтично. Отчего-то и в этом мне тоже видится знак, хотя излишняя романтичность никогда не была мне свойственна. Я очень приземленный человек, не витающий в облаках и твердо стоящий на земле, практически вросший в нее. Здесь, в «Оленьей сторожке», я наконец все узнаю. Здесь я смогу понять. И простить. Наверное. По крайней мере, мне бы очень этого хотелось. Простить.

Глава вторая

Первую ночь на новом месте Патриция всегда спала плохо. Так повелось с детства. Родители каждый год летом возили ее и брата на море, и там в первую ночь она долго лежала без сна, прислушиваясь к незнакомым звукам, будь то шум прибоя, скрип кровати за тонкой фанерной стенкой, чьи-то тихие шаги по песку, мяуканье вечно голодных котов, шорох сушащегося на веревке во дворе белья.

Под эти звуки, нестрашные, но совсем чужие, ей нравилось придумывать разные истории. Про русалок в море, про домового, из-за которого скрипит кровать, про влюбленную девушку, крадучись возвращающуюся домой со свидания, про потерявшего хозяев кота, про семью, которой принадлежат полотенца во дворе. Старший брат, которому она поутру пыталась рассказать о своих фантазиях, всегда смеялся и называл ее выдумщицей.

Выросшая Патриция никогда не путешествовала с родителями и братом, зато много ездила в командировки. Как личный помощник руководителя, она, как правило, всегда сопровождала шефа в деловых поездках, и неумение засыпать в незнакомом месте теперь исправно служило ей плохую службу. Мучаясь в очередном гостиничном номере без сна, она знала, что утром встанет совсем разбитой, и предстоящий день, полный переговоров, зачастую на чужом языке, сложных планов и тысячи дел, страшил ее возможным провалом.

Больше всего на свете Патриция боялась показаться некомпетентной и после бессонной ночи вливала в себя литры кофе, чтобы взбодриться. Бодрость не наступала, лишь тошнота, привкус кофе горчил во рту, покрасневшие глаза слезились, и Патриции казалось, что она похожа на кролика, внимание рассеивалось, голова болела, но она все равно выполняла свою работу, причем на отлично, потому что иначе не могла, не умела.

Она знала, что главное в командировке – пережить эту первую ночь и следующий за ней день, потому что затем наступала вторая спасительная ночь, в которую Патриция засыпала сразу же, едва касалась головой подушки, и наутро вставала свежая и бодрая, готовая к трудовым подвигам и свершениям. Первая ночь на чужбине была ее особенностью, ее проклятием, и со временем Патриция научилась встречать ее лицом к лицу. Не ныть, не грустить, не прятаться, не психовать, а, лежа в постели, придумывать какую-нибудь интересную историю, как когда-то в детстве, или повторять иностранные слова, сама с собой играя в уме в скребл.

Вот и в «Оленьей сторожке», поднявшись в свою комнату после ужина, она с удовольствием приняла ванну, не торопясь и от души нежась в душистой пене, потом влезла в уютную клетчатую пижаму, специально купленную для поездки на турбазу, натянула шерстяные носки, потому что ноги у нее мерзли даже в щедро натопленной комнате, достала книжку и приготовилась к долгому чтению. И уснула.

Возможно, причина тому крылась в абсолютной тишине, которая спустилась на базу отдыха, словно по мановению волшебной палочки. Ночь была безветренной. Не качался фонарь, освещающий вход в дом, тропинку, ведущую к бане, и более широкую дорожку, по которой можно было пройти к хозяйскому дому, автомобильной стоянке и, чуть дальше, подъемнику, ведущему на гору. Мирно спали все обитатели базы, которых, видимо, не тревожили ни дурные мысли, ни злые сновидения. Не скрипела ведущая на второй этаж лестница, не шумел ратрак, раскатывающий склоны. Над «Оленьей сторожкой» стояла абсолютная тишина, под которую спалось необычайно сладко.

Патриция проснулась только тогда, когда ее комнату начали заливать первые, несмелые лучи утреннего солнца, бросила глаза на часы и подпрыгнула на постели. 9.45! Не может быть! Никогда и ни при каких обстоятельствах она не просыпалась позднее половины восьмого, а ее обычное рабочее утро и вовсе начиналось в шесть. Ах да, в Москве на четыре часа меньше, то есть 5.45, все нормально, из-за непонятного сбоя биологических часов можно не волноваться.

Кажется, поводов для волнения вообще не было. Здесь, под Норильском, в месте, которое еще пару лет назад могло показаться Патриции вымышленным, настолько далеко оно находилось от ее повседневной столичной жизни, было так спокойно и тихо, что уши закладывало. И почему она никогда раньше сюда не приезжала?

Потянувшись и вскочив с постели, чтобы не пропустить завтрак, она быстро натянула свой удобный спортивный костюм прямо поверх пижамы, собрала волосы в хвост и спустилась вниз, в гостиную, где уже горел разожженный с утра пораньше камин, на столе стояла внушительная стопка блинов, а вместе с ними плошки со сметаной, сгущенкой, всевозможным вареньем, нарезанной ветчиной, рублеными яйцами, красной рыбой, сливочным маслом, икрой и медом. По комнате плыл умопомрачительный запах свежесваренного кофе. Патриция сглотнула.

– Доброе утро, – приветствовала ее хлопочущая у плиты в кухонной части комнаты Ирина. – Садитесь за стол. Вы что будете – кашу, сосиски или яичницу? А может, творог хотите? У нас свежий, фермерский.

– Яичницу, – подумав, сообщила Патриция. – А больше ничего не надо. Блины же есть и, как я вижу, чудесные. А все уже встали?

– Только Ратсеппы. У нас же с Москвой огромная разница во времени, так что, по вашим меркам, еще очень рано. А у них сын – такой непоседа. Кайди сказала, что он обычно в пять утра просыпается, я ей прямо посочувствовала, у меня-то малыш спит, пока не разбудишь. Я успеваю все дела с утра переделать и старшего в школу отправить. Так что они уже позавтракали и ушли смотреть оленей. Ланс потребовал. А все остальные еще спят. Вам сварить кофе?

– Не беспокойтесь, я сама, – сказала Патриция, которой было немного неловко от того, что ее обслуживали. Когда это делали официанты в обычных отелях, чувство неловкости никогда не возникало, а тут почему-то да.

– Да, конечно, чувствуйте себя как дома. Сливки в холодильнике, так что берите, что хотите. Ой, яйца кончились. Но ничего, я сейчас домой сбегаю, у меня там специальная комната-склад, так что все есть, вы не думайте.

– Да не надо тогда яичницу, – попробовала удержать хозяйку Патриция. – Я и кашу съем или творог.

– Нет-нет, мне не трудно, тем более остальные гости тоже пока не завтракали. Я мигом, одна нога здесь, другая – там.

Накинув тулуп, Ирина выскочила из дома, оставив Патрицию в одиночестве. Та прошлась по комнате, с удовольствием оглядела накрытый к завтраку стол, изучив устройство кофемашины, ткнула на нужную кнопку, чтобы получить первую на сегодня чашечку кофе.

Снова хлопнула входная дверь, впустив клубы морозного воздуха, который из прихожей несмело пробрался в столовую, скользнув по ногам пушистым котом. Благодаря предусмотрительно надетым теплым носкам Патриции было не холодно. Оставалось совершенно непонятным, как Ирина могла обернуться так быстро, но удивиться этому факту Патриция не успела, потому что в комнату

ввалился высокий мужчина в лыжном комбинезоне. Был он бородат и грузен, а еще, судя по выражению лица, не больно приветлив. Патриция уже видела его вчера, при заселении. Это был хозяин базы и муж Ирины.

– Доброе утро, – поздоровалась она.

– Здравствуйте, – буркнул мужчина. – Я Олег Девятов.

– О, очень приятно, а я Патриция Леман. Боюсь, все остальные гости еще спят.

– Кто рано встает, тому бог подает, – буркнул он и стал выкладывать из большой сумки банки с пивом и складывать их в холодильник. – Люди – странные существа, приезжают за тридевять земель, чтобы кататься на лыжах, и спят как сурки.

– В Москве на четыре часа меньше, – пожала плечами Патриция, – нужно несколько дней, чтобы организм перестроился.

– А ты тогда чего спозаранку вскочила? Нет мужика, чтобы в кровати держал?

Нет, бесцеремонности Патриция не терпела. Почему этот человек считает, что имеет право разговаривать с ней в таком тоне?

– Мы, кажется, не пили на брудершафт, – сухо сказала она. – Не совсем понимаю, почему вы обращаетесь ко мне на «ты».

– Ух ты, какая цаца, – восхитился Девятов. Захлопнул дверцу холодильника, отбросил в сторону сумку и подошел вплотную к Патриции, так близко, что она почувствовала на щеке его дыхание. – Если баба приезжает одна на горнолыжный курорт, значит, находится в поиске приключений на свою задницу. Надо признать, очень аппетитную. – Он протянул руки и довольно больно ущипнул Патрицию за попу. – Если не найдешь никого, кто бы тебя здесь оприходовал, то обращайся. На бабу мою не смотри. Она не ревнивая.

Теперь его руки бесцеремонно сжимали ее грудь. Патриция перестала дышать. Отвратительный зверь, дремлющий внутри ее тела, зверь, которого она так долго укрощала и пыталась приручить, поднял голову, оскалился, ощетинился,

приготовившись к прыжку. Патриция слишком хорошо знала, что будет, когда зверь прыгнет. Она зажмурилась, пытаясь вызвать в памяти лицо своего адвоката и свои окровавленные руки, держащие розочку из разбитой бутылки. И кровь. Тогда было много крови.

– Руки убери, подонок, – услышала она и распахнула глаза.

По лестнице быстрым шагом спускался Эдик. Вид у него был решительный. Видимо, Девятов прочитал что-то на его лице, потому что руки действительно убрал и даже отступил на пару шагов.

– Так она с тобой, что ли? – спросил он. – Извини, мужик, я не знал.

– Она не со мной, но, если что, я впишусь, – ответил Эдик. – Тебя, кусок дерьма, не учили, что женщину нельзя руками трогать, если она об этом не просит? И еще вопрос, тебе перед женой твоей не стыдно?

– За базар отвечать придется, щенок. И мои отношения с женой – не твое собачье дело.

– За базар я отвечу. Я мастер спорта по боксу, да будет тебе известно, – сквозь зубы ответил Эдик. – Так что вывеску я тебе точно попорчу, а повезет, так и пару ребер.

– Ты – мне? Да ладно, – усомнился Девятов, – если ты корочки МС купил, то это вовсе не означает, что ты и впрямь крутой. Видели мы таких офисных крутышек. Строят из себя крутых менеджеров, а сами просто куча навоза.

– Не ссорьтесь, – взмолилась Патриция, у которой пылали уши. – Пожалуйста. Давайте будем считать, что это недоразумение и все уже выяснилось. Эдик, я не сержусь на Олега, честное слово. Он не хотел меня обидеть, он просто не подумал.

– Ну так в следующий раз надо думать.

Снова хлопнула входная дверь, и в комнату ворвалась румяная с мороза Ирина. В руках она несла упаковку яиц.

– Ой, прекрасная сегодня погода, – жизнерадостно заявила она. – Солнце такое веселое. На горе чудесно будет. Правда, Олежек?

На Эдика она почему-то принципиально не смотрела, и Патриция заподозрила, что каким-то образом Ирина Девятова стала свидетельницей разыгравшейся здесь неприглядной сцены. Перед хозяйкой ей тут же стало неудобно, хотя виноватой она себя ни в чем не чувствовала. Что ты будешь делать. В прошлый раз она так же долго и болезненно избавлялась от чувства вины и стыда за то, что произошло. Ей казалось, что избавилась, но сейчас получалось, что не очень. И виноват в ее огромном разочаровании в себе был владелец турбазы Олег Девятов.

– Я, пожалуй, пойду прогуляюсь, – чуть звонче, чем требовалось, сказала Патриция, метнулась в холл, где висела верхняя одежда, сорвала с крючка спортивную куртку, сунула ноги в дутые ботинки, хлопнула дверью и выскочила на морозный двор, действительно залитый ярким февральским солнцем.

Воздух опалил легкие неожиданным морозцем – Патриция глубоко дышала открытым ртом, чтобы прогнать из головы окутавший ее ядовитый туман. Ну почему она опять оказалась в такой ситуации? Ведь давала же себе слово, что с ней никогда больше не произойдет ничего подобного. Слезы навернулись на глаза. Мороз проникал под спортивные штаны с поддетой под них пижамой, стоять было холодно, нужно было либо возвращаться в тепло покинутого ею дома, либо куда-то идти. Патриция выбрала второе.

Тропинка, вернее, широкая дорожка, тщательно очищенная от снега, тянулась вглубь леса, у кромки которого стоял указатель: «Оленья ферма». Пожалуй, посмотреть на этих чудесных животных сейчас было бы лучшим лекарством, и Патриция быстро зашагала по дорожке, пытаясь то ли согреться, то ли убежать прочь от мучащих ее воспоминаний. На еловых лапах лежали толстые белоснежные шапки. Белизна вокруг была такой ослепительной, что начинали болеть глаза. В Москве Патриция совершенно отвыкла от нетронутого, первозданного белого цвета, и здесь он, казалось, примирял ее с тем, что ей только пришлось пережить.

Еще пять минут назад Патриция была уверена, что уедет из «Оленьей сторожки» сегодня же. Дождется, пока проснутся все обитатели дома, потихоньку соберет вещи, вызовет такси и отправится в аэропорт. Пусть там придется провести много времени, пытаясь купить билет, но здесь она не останется ни на минуту. С

каждым шагом по белой тропе ее решимость ослабевала.

Встающие по бокам горы, вершины которых были голубоватыми, точнее, отливающими волшебной синевой, натянутая на фоне этих гор канатка с раскачивающимися сиденьями, пушистые ветви елей, словно из детской, давно забытой сказки, все это было реальным и неожиданно прекрасным, в то время как оставленный в доме мерзкий мужик и ощущение его огромных рук на ее груди, наоборот, казалось выдумкой и рассеявшимся дурманом.

Нет, она ни за что отсюда не уедет, а будет наслаждаться своим нежданным, но выстраданным отпуском на полную катушку. Главное – не оставаться с Девятовым наедине, тем более защитник у нее теперь есть. Как сказал этот самый Эдик? «Мы не вместе, но, если что, я за нее впишусь». Вот и хорошо, вот и славно.

Настроение внезапно улучшилось, и Патриция встала на цыпочки, чтобы окунуть пылающее лицо в холодную шапку снега на еловой лапе. Потревоженная ею ель встряхнулась, словно прикосновение Патриции ее разбудило, сбросила девушке на голову изрядную порцию снега, заставив присесть от неожиданности. Женский голос с легким акцентом, выдававшим Кайди Ратсепп, раздавался из глубины леса. Голос звучал с незамеченной ранее в эстонской красавице горячностью.

– Айгар, поверь мне, тебе это не нужно. Ты зря это придумал, и я вообще жалею, что пошла у тебя на поводу и согласилась приехать сюда.

Викинг, скорее всего, это был он, что-то пробубнил в ответ. Патриция не расслышала, что именно.

– Пожалуйста, не надо. Я хочу, чтобы ты передумал. Пожалуйста, не делай этого. Это ничем тебе не поможет, а лишь только все усложнит. Айгар, подумай обо мне, о детях. Пожалуйста, не надо.

Получалось, что Патриция подслушивает. Ей стало неловко и, пятясь задом, она начала выбираться из сугроба, стараясь не привлекать к себе внимания. Пять минут спустя она уже подходила к оленьей ферме, где в загоне гуляли грациозные животные, как взрослые, так и малыши.

От этой картины у Патриции перехватило дыхание. Олени выглядели трогательными и беззащитными, один из них, тот, что был ближе всех, повернул голову на звук приближающихся шагов, посмотрел Патриции прямо в лицо. Взгляд у него был доверчивый, не испуганный, видно было, что животных здесь не обижали. Не то что людей.

На мгновение Патриция вспомнила ощущение чужих пальцев на своей груди и передернулась от отвращения, но тут же снова взяла себя в руки. Нет, она не даст темному началу, поселившемуся у нее внутри три года назад, взять над ней верх. Не даст, и все. Она проживет здесь положенную неделю, будет дышать морозным воздухом, смотреть на белизну снега, любоваться оленями и, может быть, даже попробует встать на лыжи. И каждую минуточку, каждое мгновение этой недели она проживет с удовольствием, а не с темными мыслями. Вот так вот.

– Покормить хотите? – услышала она и очнулась от собственных мыслей.

Перед ней стоял пожилой человек, почти старик с морщинистым, но очень добрым лицом. Глаза у него были не тусклыми, что часто встречается в пожилом возрасте, а живыми, блестящими. Глядя в эти глаза, Патриция улыбнулась.

– А можно? – спросила она. – Если можно, то я бы, конечно, с удовольствием.

– Мы в девять часов утра кормим, – все так же доброжелательно ответил собеседник. – Вот семья тут была с мальчиком. Веселый такой малыш, шебутной. Так они вовремя пришли, покормить успели. А ты, милая, опоздала. Так что завтра приходи. Я же за их здоровье ответственный, а весь день кормить – непорядок. Вредно это. Так что я им с утра корм высыпаю. В специальные кормушки. Но, если уж очень хочешь, могу тебе яблоко дать. У меня есть, из дома прихватил.

– Не надо, – засмеялась Патриция. – Я завтра приду и яблоко с собой принесу обязательно. А пока так постою, посмотрю. Они такие красивые. А вас как зовут?

– Федор Игнатьич я, – с достоинством ответил старик. – Когда-то фельдшером был, а сейчас на пенсии вот тут живу, за оленями приглядываю. Не может человек без дела жить, не должен. Без дела не жизнь, а прямая смерть получается. Так что я сюда каждый день с утра пораньше приезжаю, а после

обеда, ближе часикам к четырем, уезжаю. Я тут, в поселке, живу. Как на пенсию вышел, так и переехал из Норильска-то. Так что если что нужно, то ты говори, дочка.

– Спасибо, Федор Игнатьевич, – поблагодарила Патриция, каким-то внутренним чутьем вдруг понявшая, что старик наверняка одинок, и ему просто нужен собеседник. С оленями-то не поговоришь. – Я обязательно к вам загляну. А пока побегу, а то холодно.

Она действительно начала замерзать, поскольку мороз – градусов пятнадцать, не меньше, – давно пробрался через тонкий трикотаж спортивного костюма и поддетой под него пижамы и теперь леденил коленки. И все, что выше, тоже.

– Легко ты одета для наших мест, дочка, – попенял ей собеседник. – У нас тут студено, это тебе не Москва.

– Я обязательно переоденусь, – пообещала Патриция. – У меня есть теплая одежда, я просто не собиралась на прогулку, это случайно получилось.

Обратно к дому она бежала вприпрыжку, предвкушая огонь в камине и еще одну чашку кофе. Первую-то она так и не допила. О возможной встрече с Олегом Девятовым девушка старалась не думать. Впрочем, в теплой столовой его и не оказалось. Там находилась Ирина, по-прежнему колдовавшая у плиты, заканчивающий завтракать спаситель Эдик, присоединившийся к нему друг Серега, а также еще один гость базы – Павел. Отсутствовали Карина и Аркадий Петрович, видимо, любившие подольше поспать.

– Доброе утро, – вразнобой поприветствовали ее Павел и Сергей, а Эдик поднял голову, словно спрашивая взглядом, все ли в порядке, и тут же уткнулся в свою чашку с кофе.

– Здравствуйте, – ответила она.

– Что ж вы без завтрака-то убежали? – с укором спросила Ирина, водружая перед Павлом тарелку с яичницей. – Жарить вам яишню-то?

Внезапно Патриция почувствовала, что очень проголодалась.

– Да, конечно, – ответила она, чуть виновато. Отчего-то ей было неудобно перед хлебосольной Ириной за то, что ее муж – такая свинья. – Мне захотелось посмотреть, как кормят оленей. Я думала, что успею. Не знала, что надо к девяти приходить.

– Спросили бы, я бы сказала, – пожала плечами Ирина. – А яичницу сейчас приготовлю. Я вашу порцию Сергею отдала.

Голос ее как-то странно дрогнул. Интересно, знает ли она, что на самом деле заставило гостью убежать из дома на мороз? Думать об этом не хотелось.

– На гору пойдете? – спросил у Патриции Павел.

– Что? А, да. Хочу посмотреть, как это все устроено. Никогда не была на горнолыжном курорте. Ужасно хочется на канатной дороге проехаться, только страшно.

– А на лыжи встанете?

– Думаю, что не рискну, – Патриция вдруг засмеялась. – У меня с детства к ним страшная нелюбовь. Я бы вообще никогда не отправилась в такое место, только в этом году выбор невелик, да и подруга соблазняла красивыми видами. Виды действительно класс, так что я ни капельки не жалею о своем решении, но, боюсь, спустить меня с горы на лыжах не под силу никому.

– А я люблю. Пару лет назад это мое увлечение практически меня спасло. Как-то так получилось, что единственное, что имело смысл – это свист ветра в ушах, когда ты закладываешь виражи на горе.

– Несчастная любовь? – спросил Сергей, и Ирина у плиты вдруг с грохотом уронила сковородку.

Все оглянулись на этот звук, она, чертыхнувшись, бросилась мыть сковороду и затирать пятно масла на полу. Ой, не видать сегодня яичницы.

– Нет, просто жизненные обстоятельства, – спокойно ответил Павел. – У меня работа монотонная, выбросу адреналина не способствующая. Так что пару раз в

год горные лыжи – это именно то, что нужно. Правда, я обычно в Сочи летал, а в этом году вдруг решил сюда попробовать. Новая трасса – это всегда вызов.

– А кем вы работаете? – спросила Патриция, скорее, для поддержания разговора. – Вы все?

– Я лифты обслуживаю, – пожал плечами Павел. – Вернее, начинал с того, что был мастером, а сейчас у меня своя фирма, у которой договоры примерно с третью жилых домов в Архангельске. – Ремонт сломавшихся, техническое обслуживание, замена старых лифтов на новые. Работы хватает.

– А я врач, – сообщил Сергей, отчего-то совершенно утративший свою вчерашнюю жизнерадостность. Он был какой-то хмурый и мрачный. Хотя, может, у него голова болит. Или он провел ночь с Кариной и просто не выспался?

Послышался звук упавшей вилки, и Павел, кряхтя, полез под стол ее доставать. Такое чувство, что у всех вокруг дырявые руки. Когда он вылез из-под стола, лицо у него было непроницаемым, словно невидимая шторка задернулась.

– А я – менеджер по продаже поликарбоната, – в голосе Эдика слышался какой-то непонятный вызов. – Ничего героического, как видите. Ну, еще кирпичи и бетон могу продать, если кому-то понадобится. Вам нужен бетон, Патриция?

– Мне – нет. Но, думаю, ваша работа ничуть не менее важна, чем любая другая. – Ей хотелось поддержать человека, вступившегося за нее час назад. Но, видимо, способ она выбрала неудачный, потому что Эдик нахмурился и отрывисто спросил:

– А что, кто-то считает иначе?

– Думаю, что нет, – улыбнулась Патриция, стараясь выглядеть милой. Почему-то все в комнате были напряжены, хотя разговор, классический английский small talk, напряженности не предполагал. С оленями и старичком Федором Игнатьичем общаться было явно проще.

– Вот ваша яичница, – Ирина поставила перед носом Патриции тарелку с двумя ярко-желтыми глазками, совсем не такими, какие получаются из магазинных

яиц.

Пахла яичница, присыпанная какими-то местными травами, тоже одуряюще. Оставалось только достать блин, намазать его маслом, шлепнуть сверху кусок соленой семги, завернуть в рулет, откусить и зажмуриться от наслаждения.

– Ладно, я поел, спасибо, хозяйка. – Сергей с грохотом отодвинул стул, не глядя на Ирину, застывшую у мойки.

– Пожалуйста, – тихо ответила она.

– Эдик, я на гору. Ты идешь?

– Да, разумеется. – Друг Сергея тоже отодвинул стул и встал из-за стола. – Мы ведь именно за этим приехали. Павел, если хотите, догоняйте.

– Да, увидимся наверху, – кивнул третий мужчина. – Вот только завтрак доем, очень уж он у вас, Ирина, вкусный. Патриция, если хотите, я готов вас подождать, чтобы показать путь на гору. Отправляться туда в одиночку в первый раз – не совсем правильно.

– Да. Спасибо, – кивнула Патриция. – Но мне неудобно вас обременять. Вы же, наверное, хотите кататься.

– Так я и буду кататься, – засмеялся он. – И вы вовсе меня не обременяете. Если хотите знать, то вы будете моей защитой.

– От чего? – не поняла Патриция.

– Не от чего, а от кого, – Павел сделал заговорщическое лицо и не выдержал, рассмеялся. – Видите ли, вчера эта милая дама Карина очень прозрачно намекала на то, что хотела бы видеть меня своим инструктором. Боюсь, я к этому не готов. Так что, если вы согласитесь составить мне компанию, то этим ко многому меня обяжете. Честное слово.

Итак, ее хотят использовать как ширму. Павел собирается сделать вид, что проявляет к ней интерес, чтобы остановить поползновения Карины в свой адрес.

Интересно, на это стоит обидеться или нет? Патриция прислушалась к себе. Обиды не было, только холодное равнодушие. Кроме того, ей тоже нужна защита на тот случай, если владелец базы снова протянет к ней свои грязные руки. Эдика она, кажется, чем-то обидела, хотя и совершенно непонятно чем. По крайней мере, он на нее больше даже не смотрит. Что ж, если поблизости будет Павел, то у Олега Девятова тоже не будет шансов к ней приставать.

– Хорошо, – легко сказала она. – Я согласна составить вам компанию. Признаться, мне очень льстит, что вы не считаете меня способной на поползновения в вашу сторону. Не хотелось бы выглядеть как охотница за приключениями.

Именно в этом ее обвинил Девятов, и нанесенная его словами рана была еще слишком свежа.

– Поверьте, вы ни капельки на нее не похожи, – утешил ее Павел и залпом допил свой кофе. – Завтракайте спокойно и идите собираться. Я тоже оденусь и буду ждать вас здесь, внизу. Договорились?

– Договорились, – кивнула в ответ Патриция.

На лестнице послышался звонкий стук каблучков Карины. Она спускалась по ступенькам в расшитом мехом пеньюаре, полы которого распахивались, открывая длинные стройные ноги в шлепанцах, тоже отороченных мехом. Распущенные черные волосы сбегали по спине, лохматые со сна. Впрочем, в том, что эта утренняя лохматость рукотворная, Патриция даже не сомневалась.

– О-о-о-о, я последняя, – жеманно сказала Карина, – какие вы все ранние пташки. Что вам не спится, на отдыхе-то? Павел, куда же вы? Может, составите мне компанию за столом?

– О, нет, я пас, мы с Патрицией собрались на гору, – любезно ответил тот.

– То есть я действительно проспала, – язвительно сообщила Карина.

Она дошла до стола, села, эффектно закинув ногу на ногу, видимо, чтобы Павел мог воочию убедиться, как много он потерял.

– Поздравляю тебя, дорогая. Ты отхватила самый лучший экземпляр особи мужского пола, – обратилась она к Патриции. – Понимаю, вот что значит десять лет разницы. Сколько тебе, тридцать? В твои годы я бы не дала тебе ни малейшего шанса.

– Тридцать два, – спокойно ответила Патриция. – А что касается шансов, то я не участвую ни в каком состязании.

– Ага, как же. Но мне сорок один, так что с этим приходится считаться. Правда, Ирочка? Вам-то сейчас сколько?

Хозяйка вздрогнула, видимо, от того, что не ожидала обращения к себе.

– Тридцать четыре, – пробормотала она. – Только какое это имеет значение?

– Совершенно никакого, – безмятежно сообщила Карина. – По крайней мере, сейчас. Что ж, надеюсь, на оставшихся свободных мужчин никто не претендует? Надо же и мне попытать счастья? Кстати, а где они?

– Сергей и Эдик ушли на гору, Аркадий Петрович еще не выходил, – сухо сказала Патриция.

– Яичницу, кашу или творог? – спросила Ирина. – Блины и все к ним на столе.

– Ах, дорогая моя, я не ем с утра блины. Вернее, я их вообще не ем. И именно поэтому в свой сороковник не выгляжу так, как ты. Я – женщина, а не расползшаяся квашня. Творог. Чистый творог без сметаны. И никакого холестерина. Кофе без сливок и сахара. Это все.

Хамство Карины выглядело вдвойне обидным оттого, что было ничем не оправдано. Хозяйка турбазы вовсе не была толстой. Просто женщина в расцвете лет, чуть более года назад родившая второго ребенка. Может, она еще до сих пор кормит его грудью? Как бы то ни было, ее внешний вид Карину совершенно не касается.

Патриция не знала, как поступить. Одернуть хамку? Вступиться за Ирину? Сделать вид, что ничего не произошло. К своему стыду, Патриция выбрала

именно этот малодушный вариант.

– Спасибо за завтрак, Ирина, – сказала она, вставая из-за стола. – Все было очень вкусно. Вы – прекрасная хозяйка. Прошу прощения, мне нужно собираться. Не хочу заставлять Павла ждать.

Ответом ей был гомерический хохот Карины.

* * *

Самое трудное в жизни – принять ответственность за сделанный когда-то неправильный выбор. Мы все – результат своего выбора. Его продукт, если хотите. Мы привыкли жить, обвиняя других в своих неудачах, а ведь по большому счету в них не виноват никто, кроме нас самих. Мой приезд сюда – попытка это доказать. Пусть даже только себе.

Много лет я сожалею о том, что когда-то мы согласились на сделанное нам предложение. Мы были молоды и бедны. У нас не было ничего, кроме безумной любви. Мы были двумя половинками, волею судьбы соединенными в единое целое. Смешно, но тогда мы были уверены, что никто и никогда не разлучит нас.

Нас разлучило стремление состояться в профессиональном плане. Для хирурга нет ничего важнее, чем снова и снова вставать к операционному столу. Кто доверит это вчерашнему студенту, практически мальчишке? Особенно в Москве, где таких, как ты, жадных, мечтающих об успешной карьере, очень много.

Когда амбициозному человеку доверяют лишь тяжелые ночные дежурства, на которых ты снова и снова удаляешь аппендиксы и зашиваешь резаные раны, разве не начнешь думать, что готов заплатить любую цену, лишь бы пробиться, лишь бы тебя заметили? Во время бессонных ночей ты все больше утверждаешься в этой мысли, но никогда всерьез не думаешь о том, что когда-нибудь действительно найдется новый Мефистофель, который поманит тебя твоей мечтой, забрав взамен душу.

Наш Мефистофель попросил всего лишь тело. И это был наш выбор – соглашаться или нет. Точнее, конечно, мой. Тогда, пятнадцать лет назад, все казалось простым и очевидным. Да, мы оба совершенно точно осознавали, что

над нами ставят чудовищный психологический эксперимент. Но нам казалось, что мы сможем преодолеть его последствия, не сгорев в горниле разверзшегося перед нами ада. Мы ошиблись, и мой приезд сюда – попытка понять, что было бы, если бы мы решили поставленную перед нами задачу по-другому.

В условия задачи входили молодой, очень амбициозный врач и его жена, учительница. Он хотел стать знаменитым хирургом, она мечтала о собственной, пусть и однокомнатной квартире в Москве. Их ли вина, что им обоим предложили исполнить их самую заветную мечту одним махом. И все, что для этого требовалось, – измена. Их обоюдная измена друг другу.

Она первым делом испугалась. Он первым делом отказался. Она плакала от унижения. Ей казалось немыслимым, невозможным переспать с пятидесятилетним начальником своего мужа только потому, что у того появилась подобная прихоть. Начальник вообще слыл бабником, не пропускавшим ни одной медсестры. Почему он так сильно запал именно на нее, было совсем неясным. Скорее всего, именно из-за возможности изощренной психологической пытки, от которой он испытывал гораздо большее болезненное удовольствие, чем просто от доступного секса.

Да, он жаждал совершить насилие не над телом, а именно над душой женщины, попутно поставив условие, что ее муж ответит взаимностью на страстную влюбленность дочери насильника. Девятнадцатилетняя девушка, работавшая в отделении медсестрой, так сильно влюбилась в молодого врача, что практически не давала ему проходу.

Он объяснял, что женат, но она плакала, похудела на пятнадцать килограммов и однажды попыталась перерезать себе вены. Он подумывал уволиться, но ни в одной другой клинике Москвы его не ждали, а он очень хотел работать, и не просто работать, а оперировать, не просто оперировать, а делать блестящие сложные операции, и все это ему пообещали только за то, что он пару раз перепихнется с безумно влюбленной в него молоденькой девочкой.

Ее отец, тот самый Мефистофель, отчего-то был уверен, что после парочки свиданий влюбленность дочери сойдет на нет. По крайней мере, им двоим он свой замысел объяснял именно так. Месяц романтических отношений подающего надежды ординатора с его доченькой – и назначение его ведущим хирургом, практически правой рукой знаменитого босса-профессора. Этот же месяц свиданий ординаторской жены с ним самим – и купленная на ее имя

однокомнатная квартира. И главное – никаких обязательств в будущем.

– Ровно месяц, – говорил профессор им обоим, блестя черными глазами, в которых даже зрачки были практически не видны. Как есть черт. – Ровно месяц, и вы, моя милая, больше никогда меня не увидите, а ты, дорогой друг, никогда не услышишь о моей дочке. Я заставлю ее уволиться из нашей больницы, обещаю. Я бы сделал это сейчас, но ей нужно переболеть тобой как корью. Ровно через месяц я назначу тебя своим заместителем, и вы сможете переехать из съемного жилья. Мне кажется, вполне приличная компенсация за месяц неудобств. Хотя и неудобств-то никаких нет. Моя дочь – влюбленная в тебя красавица. Я – умелый любовник. Так что не удивлюсь, если через месяц вам обоим не захочется расторгать наш… ммм… контракт.

– Мы еще не согласились, – ровным голосом сказал тогда мужчина.

– А я вас не тороплю, – любезно ответил искуситель. – До завтрашнего дня у вас есть время подумать. Вы должны будете дать мне ответ ровно в два.

– Я не хочу, – говорила она вечером. – Я не хочу с ним спать. Это неправильно. Это проституция – спать со старым чужим мужиком за квартиру. И я люблю тебя, ты – мой единственный мужчина, я не хочу тебе изменять.

– Конечно, – соглашался он, – Я не собираюсь тебя продавать, это гнусно. Нам и в съемной квартире неплохо. Когда-нибудь, когда я стану знаменитым, у нас будет достаточно денег на самое хорошее жилье. Вот только для этого нужно набивать руку, а если я откажусь, то этот старый хрыч не допустит меня к операционному столу. Он меня заест, и мне придется уволиться.

– Но я не хочу, чтобы ты спал с этой девчонкой, – плакала она. – Она молодая, гораздо моложе меня. У нее гладкая кожа, а у меня уже появились морщинки. Вдруг ты влюбишься и бросишь меня. Я этого не переживу.

– Я не собираюсь тебя бросать, – успокаивал он. – Эта девчонка – взбалмошная истеричка, склонная к театральности. Это ее перерезание вен всего лишь спектакль, с помощью которого она вьет из отца веревки. Со мной этот номер не пройдет.

– Значит, отказываемся? – спросила она.

– Отказываемся, – выдохнул он.

Ночью оба не спали. Крутились без сна каждый на своей половине кровати, но не разговаривали. Чего говорить, когда и так все ясно.

– Если тебе придется уволиться, значит, мы не сможем остаться в Москве, – сказала она, когда на часах было пять. – Дома у тебя не будет ни малейшего шанса исполнить свою мечту. Только здесь, в крупной федеральной клинике. Вспомни, скольких трудов тебе стоило сюда попасть. Сколько ты работал, чтобы оказаться на виду, сколько ночей отдежурил, оставляя меня одну. Ты имеешь право на свой шанс, и если ради него тебе нужно трахнуть избалованную девчонку, которой кажется, что все на свете можно купить, значит, мне придется смириться и с этим. Ровно месяц и никакого продолжения контракта. Она уволится из клиники, а мы будем жить, как прежде. В съемной квартире, разумеется. Спать с этим негодяем я ни за что не стану.

Он поцеловал ее в висок, прижал к себе, как делал всегда, потому что ему нравилось слышать ее дыхание. Она вообще вся – от кончиков пальцев на ногах до макушки – была его собственностью и ничего не имела против.

– Если мы останемся в Москве, то нам будет нужен свой угол, – сказал он мягко. – Я знаю, как ты мечтаешь стать москвичкой, и уж если ради моей мечты я должен тебе изменить, то ради своей ты имеешь право сделать то же самое. Через месяц мы будем квиты. Ровно через месяц, и никакого продления контракта.

– Он издевается над нами, он хочет нас рассорить, разлучить, – робко сказала она и снова заплакала. – Что, если случившееся изменит нас настолько, что мы никогда уже не будем прежними?

– Ерунда, – убежденно ответил он. – Мы – это мы и всегда ими останемся. Он думает, что гораздо умнее нас, так давай его обхитрим. В конце концов, если в жизни выдается шанс продвинуться вперед, за него нужно цепляться. Мы с тобой – команда, так давай пройдем через это и выйдем победителями вместе.

Придя утром на работу, они нашли профессора, чтобы сказать ему, что согласны. Контракт должен был быть составлен письменно и заверен нотариусом. Как сказал профессор, у него был нотариус, готовый за мзду заверить и более

спорные сделки.

– Ровно месяц, – твердо сказал мужчина, – и никакого продления контракта не будет. Я останусь вашим замом и правой рукой, вы будете назначать меня на все стоящие операции, ваша дочь уволится из больницы, а на имя моей жены будет оформлена однокомнатная квартира. И мы больше никогда не вернемся к разговору об этом.

– Как вы скажете, – пожал плечами Мефистофель. – Я не буду ни на чем настаивать. Мои условия абсолютно прозрачны. Ты на месяц переезжаешь в квартиру моей дочери, а твоя жена отправляется в то самое жилье, которое через месяц станет ее собственностью. Я буду приезжать туда пару раз в неделю. И в течение этого месяца вы не должны ни видеться, ни созваниваться. Это все. Документ будет готов сегодня к двум, как я и говорил. До этого времени вы еще можете передумать. Если вы передумаете после подписания контракта, но до его истечения, то ты должен будешь, во-первых, уволиться, во-вторых, выплатить мне пять миллионов рублей.

– Пять миллионов? – изумленно спросил мужчина. – Но у меня нет таких денег.

– Я рискую однокомнатной квартирой в Москве и психикой своей дочери. Ты тоже должен чем-нибудь рисковать, – пожал плечами Мефистофель. – Тебя никто не заставляет подписывать этот документ. Еще раз – до двух часов сегодняшнего дня вы можете отказаться от нашей сделки без всяких для себя последствий.

Разумеется, они не отказались. Это был их осознанный выбор. Как показало время, неправильный. За месяц ему понравилось быть правой рукой ведущего хирурга, превратившись из мальчика на побегушках в самостоятельную единицу, проводящую сложнейшие операции. За месяц стало очевидно, что его карьера идет в гору, которая будет гораздо менее крутой, если подниматься в нее в статусе зятя профессора Малиновского, отца его внуков.

Истеричная доченька профессора через месяц уже была беременна. Да и истеричность ее оказалась лишь легкой экзальтированностью от упавшей ей на голову влюбленности. Рядом с любимым человеком она казалась вполне себе уравновешенной, хотя все так же безумно влюбленной.

У молодой пары была четырехкомнатная квартира в Москве, а также предоставленный в их полное распоряжение профессорский дом в Подмосковье. Отказываться от всего этого ради первой жены мужчина был не готов. За те четыре недели, что он ее не видел, ее образ немного потускнел в памяти, их милые привычки стерлись и стали казаться менее важными, не идя ни в какое сравнение с теми удобствами и перспективами, которые дарила новая любовь.

В день истечения контракта он подал на развод. Она плакала и умоляла передумать, а он грубо ответил, что ему не нужна порченая баба, целый месяц трахавшаяся с немолодым профессором за квартиру. Да, квартира у нее теперь действительно была. Однокомнатная, просторная, светлая квартира в одном из спальных районов. А вот семьи не было. Лишь огромный шрам от предательства, проходящий через всю душу.

Ее муж был ее первым мужчиной, Мефистофель – вторым, а сколько их было потом, она не помнила, потому что никогда не считала. Несмотря на то что с каждым новым романом она заключала некий новый договор, пусть и не прописанный на бумаге, и однокомнатная квартира была счастливо поменяна на двухкомнатную, куплена неплохая машина, освоены заграничные курорты и модные бутики, на руинах прошлого построена новая жизнь, совершенная много лет назад ошибка была ей совершенно очевидна.

Понимал ли он, что тоже совершил ошибку, жалел ли о ней? На эти вопросы можно было ответить только здесь, в «Оленьей сторожке». И эта возможность виделась ей и наградой, и наказанием одновременно.

Глава третья

На горе было ветрено. Патриция сто раз похвалила себя за правильно выбранный теплый костюм и тот самый бафф, который она так предусмотрительно купила, но мороз, усиленный ветром, все равно кусал лицо.

Путешествие на вершину склона на подъемнике оказалось захватывающим приключением. Патриция вертела головой и то и дело ахала, как от красоты, открывающейся ее глазам, так и от все увеличивающейся пропасти под ногами. Высоты она боялась. Руками в теплых перчатках она держалась на

металлические прутья крепко-крепко, и все равно внутри все сладко замирало от ужаса, который она старалась не показывать сидящему рядом Павлу.

Тот, казалось, ее замешательства не замечал, а сам и вовсе его не испытывал. Сидел спокойно, ни за что не хватался, в руках держал лыжи с палками и вообще вел себя как заправский горнолыжник, которым, собственно говоря, и являлся. Его спокойной уверенности Патриция немного завидовала.

– А как вас близкие зовут? – спросил вдруг он. – Честно говоря, ваше имя звучит несколько необычно для российского уха.

– Близкие? – не поняла она.

– Ну, родители или муж.

– У меня нет ни родителей, ни мужа, – довольно сухо сообщила она, потому что тема эта была довольно болезненна, хотя с годами уже не причиняла такой боли, как раньше. Патрицией меня назвал папа и звал всегда полным именем, потому что оно ему очень нравилось. Мама и бабушка предпочитали вариант Пат, брат дразнил Тришкой, словно я соседская собачонка. Друзья называют по-разному, кто Пат, кто Триш, муж использовал первый вариант, пока мы с ним не развелись. Некоторые предпочитают полное имя. Я привыкла, поэтому мне все равно.

– Можно звать вас Триш? Мне это напоминает английский детектив, – улыбнулся он.

– Любите детективы? Я тоже, – оценила Патриция, – зовите, как хотите.

– С вашими родителями что-то случилось? – спросил собеседник. – Про развод с мужем я уже понял.

– А вы довольно бесцеремонны. Да, родители умерли. Так уж случилось, что один за другим. Довольно давно. Остался брат, но мы с ним не особо близки.

– Когда я остался один, это оказалось тяжело, – признался вдруг Павел, и Патриция с изумлением посмотрела на него. Подобных откровений она не

ожидала. – Моя бесцеремонность связана с тем, что мне до сих пор интересно, как реагируют на трагедию, унесшую их близких, разные люди. Я оказался не готов.

– У вас тоже умерли родители?

– Нет, родители, к счастью, живы. Хотя отношения у нас с ними тоже не очень хорошие. Я потерял жену, и вот уже шесть лет никак не могу с этим смириться. Несчастный случай.

Патриции хотелось спросить какой, хотя, в принципе, она не была любопытной. Просто что-то в мгновенно ставшем неподвижном лице собеседника заставляло обратиться за пояснениями, но она не успела, потому что подъемник добрался до верха. Вслед за Павлом она дошла до склона, где Павел наклонился и начал пристегивать лыжи.

– Точно не хотите попробовать?

Она отрицательно покачала головой.

– Тогда ждите меня здесь. Если решите уехать вниз, то дайте знать, чтобы я вас не искал. А то могу решить, что вы свалились с горы.

– Я подожду. Это долго?

– Спуск с горы две минуты, – засмеялся Павел. – Потом дойти до подъемника и подняться наверх, это еще минут пять. Так что замерзнуть не успеете.

– Я подожду, – повторила Патриция.

Краем глаза она заметила, что со стороны подъемника идут два друга – Сергей и Эдик. Вид у обоих был сосредоточенный. Или Эдик, вступившийся за нее утром, теперь специально делал вид, будто ее не видит? Павел оттолкнулся палками и заскользил вниз, закладывая довольно крутые виражи. Ничего не понимающая в горных лыжах Патриция осознавала, что техника у него изумительная. Его ярко-красная куртка мелькала где-то уже на середине горы, и она как завороженная следила за этой алой точкой, не в силах оторвать глаз. Следом за ним с горы

стартанул Эдик. Он летел вниз красиво и стремительно, закладывая крутые и очень точные виражи. Что ж, его мастерство выглядело безукоризненно.

– Вы не катаетесь? – это подошла Кайди, лыжи которой чуть в стороне складывал на снег ее муж Айгар. – А мы уже по два раза спустились.

– Нет, я не умею. А где ваш сын?

– Ланс остался в номере с Эмилией. С утра мы сходили посмотреть на оленью ферму, и он остался под таким впечатлением, что ему срочно понадобилось нарисовать оленей. Обычно мы с мужем катаемся по отдельности, но раз уж выпал такой случай, что Эмилия может за ним присмотреть, то мы решили ловить удачу за хвост. Точно не хотите попробовать?

Патриция снова перевела глаза вниз. Павел уже находился у подножия склона и отстегивал лыжи. Словно почувствовав, что она на него смотрит, он поднял руку с зажатой в ней палкой и помахал ей.

– Хочу, но боюсь. Никогда в жизни не пробовала. Да у меня и лыж нет. А прокат внизу.

– Лыжи я могу вам дать, у нас один размер, – сообщила Кайди. – Только этот склон очень крутой, начинающему тут делать нечего. Пойдемте, тут есть трасса для новичков, я вам на ней все покажу.

Вообще-то Патриция обещала дождаться Павла, но Кайди была такой решительной и напористой, что сопротивляться не хотелось. Патриция вообще не умела сопротивляться. Один раз в жизни попробовала, и ничего хорошего из этого не вышло. Белизна снега на склоне манила. Примерно такое же чувство Патриция всегда испытывала, оказавшись на краю обрыва.

– Ладно, – решилась она внезапно, – пошли.

– Гарик, мы на трассу для начинающих, – деловито сообщила мужу Кайди. Айгар уже надел свои лыжи, смотрел вопросительно, но жену не торопил.

– Хорошо, – тут же согласился он, – тогда я поехал.

Оттолкнувшись палками, он легко заскользил вниз, как до этого Павел, только куртка на нем была не красная, а синяя, вот и вся разница. Проводив его глазами и повертев головой в поисках Павла, которого нигде не было видно, Патриция послушно зашагала вслед за Кайди, которая привела ее к другому, более пологому склону. Народу здесь было неожиданно много.

– А где живут все эти люди? – спросила она. – У нас же их нет.

– «Оленья сторожка» – не единственная база в округе, – пожала плечами Кайди. – Да и местные на гору приезжают. Это довольно популярное место.

– А вы почему именно здесь остановились? – полюбопытствовала Патриция, вспомнив странный утренний разговор, невольной свидетельницей которого она стала. – Вас с «Оленьей сторожкой» что-нибудь связывает?

– Вовсе нет, – беспечно сказала Кайди, но взгляд у нее был острый, внимательный, как будто она не разговаривала со случайной знакомой, а как минимум вела следствие. – Мы, когда готовились к этой поездке, рассмотрели все варианты. Это место нам понравилось, кроме того, оленья ферма – прекрасное развлечение для маленького сэра, а раз уж мы берем с собой на горнолыжный курорт трехлетнего сына, значит, и о его досуге подумать стоит.

Объяснение выглядело вполне убедительно, но бегающие глаза Кайди говорили Патриции, что та врет. Впрочем, думать об этом было некогда, потому что рыжеволосая женщина плюхнулась на снег и начала деловито стаскивать с ног свои лыжные ботинки.

– На, переобувайся, ничего, что я на «ты»?

Выглядели они ровесницами, и Патриция согласно кивнула.

Усевшись рядом, она быстро переобулась, протянув Кайди свои ботинки-дутыши. Встала, потопав ногами. Чужая обувка сидела как влитая и была теплой внутри, видимо, от ног своей хозяйки.

– Так, давай я на тебе лыжи застегну и покажу основные приемы. Ботинки нужно очистить от снега. Теперь ставь ногу в крепление, нет, не так. Продвигай к

носку, теперь опускай пятку. Так, защелкиваю. Учти, что при одевании лыж на склоне их необходимо расположить перпендикулярно трассе и вдавить в снег, для устойчивого положения. Вот, сначала надеваем нижнюю лыжу, потом верхнюю. Готово.

Патриция посмотрела на свои обутые в лыжи ноги, а затем перевела взгляд на Кайди. Признаться, ей было немного неуютно.

– Не бойся, – правильно расценила этот взгляд ее неожиданная учительница, – мы с тобой выбрали правильный склон для первого спуска. Он пологий, так что ты сможешь почувствовать себя одним целым с лыжами без всякого риска. Так, держи палки, продевай руки в петли. Обхвати их, обхвати. Вот так, правильно. Теперь я покажу тебе несколько простых упражнений для разогрева мышц. Без них нельзя, они снижают риск растяжений и травм.

Патриция внезапно ощутила, что сходит с ума. Никогда она не была спортивной, боже мой, что же она делает, а главное – зачем? Ответов на эти вопросы у нее не было. Она повертела головой в поисках Павла, который, по ее расчетам, уже должен был подняться на гору снова, но его нигде не было. Ну и ладно, не больно-то и хотелось, она и без него найдет чем заняться.

– Так, теперь смотри, я научу тебя принимать правильную стойку, – говорила тем временем Кайди. – Есть особое положение тела, при котором удобно кататься. Смотри и повторяй за мной. Расставь бедра, согни ноги в коленях так, чтобы голени касались ботинок спереди, вес перенаправь на стопы, спину держи прямой, но скругли ее немного, как будто ты – кошка, так, хорошо, голову прямо, смотри перед собой.

Смотреть одновременно перед собой и на Кайди никак не получалось. Патриция привычно расстроилась, что она такая неудалая.

– Нет, не так. Руки и локти нужно расслабить, а палками не касаться снега. Разведи их чуть в стороны. Да, вот так. Молодец, вот такая стойка правильная.

– А что она дает, правильная стойка? – полюбопытствовала Патриция.

– Она обеспечивает легкую езду, ну и на препятствия будешь реагировать легче.

Патриция была вовсе не готова реагировать на какие-то препятствия.

– Так, а теперь легонько оттолкнись палками и езжай вниз. Если захочешь затормозить, поворачивай лыжи носками внутрь. И сильно палками не отталкивайся, тебе пока скорость ни к чему. Пока твоя задача – научиться управлять своим телом. Поняла?

Патриция неуверенно кивнула. В теории вся эта горнолыжная наука вовсе не выглядела такой уж сложной. Ездят же люди как-то. Ей показалось, или неподалеку мелькнула красная куртка Павла? Вот, пусть видит, что она не такая уж рохля, какой кажется при первом знакомстве. Она оттолкнулась и поехала вниз, пригнувшись и чуть приподняв палки над снегом, как учила Кайди. Скорость оказалась больше ожидаемой или это так ощущалось с перепугу?

Склон уходил вниз, ветер свистел в лицо, перед глазами не было ничего, кроме ослепительно-яркого снега и собственных ног, обутых в чужие неудобные ботинки. Так, спину нужно выгнуть кошкой. Нет, эта скорость ей совсем не нравится, надо затормозить. А как?

– Патриция, стой! – услышала она мужской крик откуда-то сверху, повернула голову, чтобы посмотреть, кто кричит, потеряла равновесие и начала падать.

Ой, кажется, надо повернуть лыжи носками внутрь. Палки вырвало из рук, одна лыжа наехала на другую, Патриция теперь уже совсем не держалась на ногах, лыжи совершили кульбит в воздухе, одна из них воткнулась в снег, вторая оказалась прижатой собственным телом, носу стало холодно и как-то мокро, глаза забились снегом, вокруг все вертелось, а потом остановилось. Патриция вдруг осознала, что лежит на снегу с подвернутой правой ногой, а левая задрана куда-то вверх, пристегнутая к воткнутой в снег лыже.

– Триш, ты как, ты цела?

Рядом, лихо затормозив и подняв при этом фонтан снега, остановился Павел, ловко отстегнул лыжи, сначала свои, потом ее. Плюхнулся на колени в снег, начал профессиональными движениями ощупывать ее ноги и руки.

– Не вставай, слышишь, сначала надо убедиться, что ты ничего не сломала.

Несмотря на явно неподходящие обстоятельства, Патриция все-таки отметила, что он тоже перешел на «ты», но возражать не стала. Подбежала Кайди, ноги которой, одетые в ботинки Патриции, увязали в пушистом снегу, плюхнулась рядом.

– Ничего не сломано?

– Как можно было отправить ее вниз? – набросился на рыжеволосую эстонку Павел. – Она же не умеет ничего, а если бы она шею свернула?

– На этой трассе невозможно свернуть шею, – сообщила Кайди, лицо у нее, впрочем, было виноватое. – Пат, ты как? Очень испугалась?

– Да нет, нормально, – проблеяла Патриция, которой привычно становилось ужасно стыдно за вызванный ею переполох, – я не ушиблась, правда.

– Подожди, сейчас я попрошу Сергея тебя посмотреть, он же врач. Я сейчас его найду и приведу сюда.

Лицо Павла было белым-белым, непроницаемым, словно он сдерживал в себе что-то огромное и очень страшное.

– Не надо никого приводить, – произнес он очень ровно, словно сдерживался, чтобы не заорать. – Я уже посмотрел. Руки-ноги целы, переломов нет. Триш, давай попробуем встать, только держись за меня.

Патриции показалось, что она взмыла в воздух. Сильные мужские руки подняли ее с земли словно пушинку. Приняв вертикальное положение, она опасливо повертела головой, которая, к счастью, не болела и не кружилась. Похоже, она и вправду отделалась легким испугом. И что ее на трассу понесло, идиотку.

– Все хорошо, спасибо, – вежливо сказала она и отцепилась от руки Павла. – Кайди, действительно не нужно тревожить Сергея, у меня все хорошо. Я ничего не сломала и не ушибла. Если можно, верни мне мои ботинки, пожалуйста. Надеюсь, я не испортила твои лыжи?

– Нет, с лыжами все в порядке. Тебе точно не нужна помощь?

– Абсолютно. Ты иди кататься. У тебя не так много времени, которое ты можешь провести на горе, я и так непростительно тебя отвлекла. Сама не понимаю, чем я думала.

– Вот именно, – сердито сказал Павел. – Я же спросил у тебя, будешь ли ты кататься, и ты заверила меня, что нет. Иначе я бы ни за что тебя не оставил. Горный склон – вещь сложная, и даже на самой простой трассе возможны всякие неожиданности, особенно для тех, кто первый раз встал на лыжи. Умение падать – целая наука, и до того, как ты его освоишь, на склоне делать нечего. Заруби себе это на своем хорошеньком носу.

– Не разговаривай со мной как с ребенком, – рассердилась вдруг Патриция. Оказывается, она все-таки довольно сильно испугалась, и сейчас страх выходил из нее вместе со злостью. – Глупо даже не попробовать встать на лыжи, если уж меня за каким-то чертом понесло на горнолыжную базу. Или прикажешь мне сидеть в номере? Как сэру Ланселоту?

– Я не могу ничего тебе приказать, – пожал плечами Павел. – Но ты ведешь себя глупо и неосмотрительно. Хотя, разумеется, это твое дело. Хочешь свернуть шею – пожалуйста.

– Ты, кажется, кататься приехал? Вот и катайся, – отрезала Патриция, у которой от внезапной обиды вдруг на глаза навернулись слезы. Или это все тот же страх был тому виной? – Я не просила тебя меня спасать. Я сейчас пойду на подъемник и спущусь вниз, туда, где мне самое место, а ты катайся на здоровье.

– Погоди, ты точно уверена, что поедешь вниз? Я не хочу оставлять тебя одну на горе. Первая попытка не очень хорошо закончилась.

– Да, я абсолютно уверена.

– Тогда пошли, я провожу тебя до подъемника.

– Да не надо меня провожать. – Патриция вырвала руку, которую Павел взял, словно она действительно была несмышленым ребенком. – Я знаю, где подъемник, и уверяю, что не свалюсь с него. Я, конечно, идиотка, но не настолько.

– Ни минуты не считал тебя идиоткой, – пробормотал Павел. – Ладно, иди, раз ты такая самостоятельная, только, пожалуйста, будь осторожна.

Патриция повернулась к нему спиной и бодро зашагала в сторону подъемника. Настроение у нее отчего-то резко взлетело вверх, хотя она и сама не понимала, почему именно. И почему ее здесь все время как на качелях бросает от слез к веселью? Горный воздух так сказывается, что ли? Надо почитать, что пишут в интернете о влиянии на психику разреженного воздуха на большой высоте. Вот сейчас она вернется в дом и обязательно почитает.

Вокруг катались люди. Мелькнул синий пуховик Айгара, темно-зеленые куртки Сергея и Эдика, алой точкой заскользил вниз с горы Павел. Снизу махала рукой Кайди, Патриция замахала в ответ, потому что рыжеволосая женщина ей нравилась. Усевшись в кресло подъемника и пристегнув цепочку, Патриция поехала вниз, восхищаясь обступающей ее со всех сторон красотой. Нет, все-таки не зря она сюда приехала.

Заснеженные ели подпирали небо, оттуда, словно через проколотые острыми верхушками дыры, ярко било солнце, заливая расстилающуюся под ногами равнину. Домики турбазы – основной, в котором жили гости, хозяйский, где обитала семья Девятовых, служебный, где в течение дня размещался обслуживающий персонал, оленья ферма и остальные строения – казались маленькими-маленькими, словно игрушечными. Между ними вились протоптанные дорожки, чуть в стороне по шоссе, ведущему к поселку, ехали крошечные машинки. Все казалось сказочным и очень умиротворяющим.

Патриция спускалась ниже, и все вокруг приобретало привычные размеры и очертания, отчего волшебство потихоньку исчезало, растворялось в воздухе, который, казалось, стал чуть холоднее. По крайней мере, каждый вздох немного обжигал горло. До конца канатной дороги оставалось совсем немного, людей внизу уже вполне можно было распознать по лицам. В частности, Патриция увидела стоящего недалеко от пункта проката снаряжения Олега Девятова и слегка поморщилась, вспомнив его грубые жадные руки.

Девятов стоял рядом с Аркадием Петровичем, единственным гостем, не спустившимся утром к завтраку. Видимо, к этому часу он все-таки проснулся. Патриция вытянула запястье из рукава куртки, отогнула край перчатки. Половина второго, немудрено и проснуться, даже если по Москве сейчас и полдесятого.

О чем говорили двое мужчин, сверху было, конечно, не слышно, однако, судя по жестам, Олегу Девятову было весело, а вот Аркадию Петровичу – не очень. Хозяин турбазы хлопал себя по коленям и раскатисто смеялся, чуть ли не ржал, выглядело это отвратительно, впрочем, как и все, что было с ним связано. Его собеседник казался растерянным, словно разом растерявшим весь свой вчерашний лоск. Даже очки в золотой оправе сидели на носу как-то криво. В какой-то момент он вдруг махнул рукой, словно в немом отчаянии, сорвал с головы вязаную шапку и широкими шагами пошел прочь, практически побежал.

В этот момент ноги Патриции коснулись земли, подбежавший служащий канатной дороги отстегнул цепочку, помог ей выбраться из металлического кресла, которое, не останавливаясь, ползло дальше, собираясь с силами для захода на следующий круг, кто-то уже деловито рассаживался, занимая места, чтобы подняться на гору. Патриция сделала несколько шагов в сторону, чтобы не мешать, пошла быстрее, потому что почувствовала, что замерзла, и через несколько шагов услышала громкий, удивительно неприятный звук. Это смеялся, точнее, действительно ржал оставшийся в одиночестве у пункта проката Олег Девятов.

Заметив Патрицию, он вытер выступившие от смеха слезы и сделал неприличный жест в ее сторону. Она заметила, что перед этим он аккуратно осмотрелся, чтобы убедиться, что его не видят и за Патрицию никто не вступится. Она снова почувствовала, как притаившаяся внутри ярость поднимается все выше, грозя залить голову. Допустить это было категорически нельзя.

– Слушай ты, урод, – негромко сказала она, подойдя еще ближе, но все-таки оставаясь на некотором расстоянии. Патриция знала, что может быть опасной, если, не дай бог, перестанет себя контролировать, – если ты еще раз подойдешь ко мне ближе чем на два метра, бросишь на меня хотя бы один взгляд или повторишь то, что сейчас сделал, я тебя кастрирую. Розочкой от бутылки. Конечно, возможно, я сяду, потому что для меня это будет уже рецидив, но тебе это окажется уже без разницы. Я говорю совершенно серьезно. Можешь погуглить, если не веришь.

Стоящий напротив мужик смотрел на нее дикими глазами. Он был настолько растерян, видимо, не ожидая подобного текста от хрупкой рафинированной московской дамочки, что от нелепости его вида проснувшаяся внутри змея

ярости сворачивалась уютными кольцами. До следующего раза.

– Я не шучу, – повторила Патриция назидательно, и он дрогнул, сдался, опустил глаза, повернулся и зашагал прочь. Чуть ли не побежал, и это позорное отступление вселило в Патрицию сладкое чувство победы над поверженным противником. Она была уверена, что больше он к ней действительно не подойдет.

За ее спиной раздались аплодисменты. Кто-то, явно наблюдавший за баталией, теперь от души хлопал в ладоши. Патриция повернулась и обнаружила там Карину.

– Браво, – сказала та, перестав хлопать. – А ты, малышка, оказывается, не так проста, как кажешься. Выглядишь совсем простофилей, а оказывается, у тебя есть зубки, да преострые. И ты умеешь больно кусаться.

– Умею, хотя и не люблю, – сухо ответила Патриция. – Учителя хорошие были. К сожалению.

– Да почему же к сожалению, – весело изумилась Карина, – я бы даже сказала, наоборот, к счастью. Наконец-то Олежек встретил достойного противника. Ну надо же.

– Олежек? Вы что, знакомы?

– Да бог с вами, конечно, нет, – рассмеялась Карина, обнажив зубы, настолько прекрасные, что сомневаться в их искусственном происхождении не приходилось. – В моем возрасте уже все мальчики-зайчики, Олежки и Игоречки, Сереженьки и Эдички. Доживешь до моих лет – поймешь.

– Не уверена. – Патриция почувствовала, что уже совсем окоченела. – Вы простите меня, Карина, но я пойду.

– Иди, конечно, – милостиво разрешила та. – Но это просто удивительно, насколько бывает обманчива внешность.

* * *

«Пойми, в этом мире никто не идеален». Так говорила учительница в школе. Самая любимая учительница, потому что она была единственной, кто прощал ему неидеальность. Все остальные требовали невозможного – соответствия столь высоким стандартам, что достичь их было совершенно нереально. Он точно это знал, потому что пытался.

– Только слабаки писают в штаны и не могут дотерпеть до горшка. Это значит, ты – слабак?

Говорят, дети не помнят того, что происходило с ними примерно до пятилетнего возраста. Но этот диалог о том, что он опять намочил штанишки, помнился так, как будто происходил вчера. При этом, по горделивым рассказам матери, поучающей своих подруг, он знал, что просился на горшок с года и двух месяцев. Получается, он и помнил себя именно с такого возраста.

– Ты ничтожество, которое не может дать сдачи. Не ной и не жалуйся на отобранные игрушки, бей сразу, чтобы никто не смел к тебе подходить. Только слабаки не защищают свое личное пространство.

Эта повторяющаяся отцовская нотация случалась явно в детском саду, ведь сколько он себя помнил, к нему никогда никто не подходил, потому что он дрался отчаянно, как загнанный в угол зверек, пускающий в ход когти и зубы. Его боялись и предпочитали не связываться.

Еще он помнил боль. Постоянную боль от синяков, которые практически никогда не проходили. Отец воспитывал его армейским ремнем. Металлическая пряжка с пятиконечной звездой оставляла отпечатки на теле. У него вся попа и ноги были в малиновых звездах, и он никогда не раздевался во время дневного сна в детском саду, тем более что никогда не спал. Воспитатели пытались бороться, но быстро сдались, потому что, кажется, тоже его боялись, затравленного дикого волчонка.

Единственное светлое воспоминание детства касалось того периода, когда он подхватил ветрянку. У большинства детей она проходила легко, ограничиваясь лишь красными отметинами и легким зудом, а его свалила с температурой под сорок и горячечным бредом, в котором он отчаянно чесался и звал маму.

Мама действительно пришла, но только для того, чтобы примотать его руки к туловищу синей изолентой. От чесания появлялись струпья и оставались отметины, а тело в отметинах не могло считаться идеальным. От изоленты щипало кожу, от того, как чешется все тело, хотелось плакать, но он не плакал, потому что мужчины этого не делают, а еще от слез щипало лицо, пострадавшее от ветрянки так сильно, что заплыли глаза, превратившиеся в две узкие щелочки, и сквозь них он и увидел, что приехала бабушка.

Она жила далеко, там, откуда была родом мама, но они никогда туда не ездили, потому что мама не для того уезжала в Москву и устраивалась в ней, чтобы снова вдыхать гнилой воздух провинции. Так она говорила. До горячки он видел бабушку только один раз в жизни, потому что ее визиты в столицу тоже не приветствовались. Своей прежней семьи мама стеснялась, потому что та была неидеальной. И бабушка не была идеальной – простая деревенская женщина с большими натруженными руками и в вылинявшем ситцевом платье под вязаной кофтой. От ее первого визита осталось только мимолетное воспоминание чего-то большого, ласкового и теплого. А еще запах ландыша, потому что бабушка то ли пользовалась такими духами, то ли пила ландышевые капли. Этой детали он не помнил.

И вот этот запах пробрался сквозь температурный туман, заставив его немного рассеяться. Бабушка провела у его кровати три дня, пока не спала температура, и это были самые счастливые три дня в его маленькой жизни, потому что бабушка варила морс и поила его с ложечки, меняла на голове прохладную мокрую тряпицу, шептала что-то ласковое, гладила по голове, обещая, что совсем скоро станет легче. И проклятую изоленту она сняла, и долго шепотом кричала на маму, и просто сидела рядом, отвлекая его сказками, чтобы он не чесался. И он забывал о зуде.

Через три дня температура упала, и бабушка исчезла – легла в больницу, в которую и приехала по направлению. И там, в больнице, умерла. Больше он ее никогда не видел и от случайно встреченных на улице ландышей старательно отворачивался, потому что начинало предательски щипать в носу. А мужчины не плачут.

«Ты придурок, который не может выучить таблицу умножения…», «Ты идиот, потому что опять порвал штаны, ты, что, не понимаешь, с каким трудом отец зарабатывает деньги, чтобы достойно нас содержать…», «Почему ты посмел съесть две котлеты вместо одной? Тебя невозможно прокормить…», «Почему ты

опять вырос из ботинок…», «Ты не пойдешь ни на какой день рождения, потому что мы не собираемся тратиться на подарок…», «Из тебя не вырастет ничего путного…», «Ты будешь работать дворником…», «Ты ни за что не поступишь в институт…», «Когда тебя посадят в тюрьму, я тебе передачи носить не буду, заруби себе на носу…», «Ты ничтожество, мне стыдно, что ты мой сын…», «Из тебя никогда ничего не выйдет…»

До сих пор, закрывая глаза перед сном, он иногда слышал их голоса внутри своей головы. Мать и отец жили там, они никуда не делись, хотя и институт он окончил, и в тюрьму не сел. Он очень старался, чтобы из него что-то получилось. То ли хотел доказать им, что они ошибались, то ли себе, что над ним не тяготеет родительское проклятие. Он очень хотел доказать всем, что может быть идеальным.

Учительница говорила, что идеальных не бывает, но он ей не верил. Потому что, если бы это было так, ему не приходилось бы все детство расплачиваться за свою неидеальность. И он продолжал стараться. В учебе, в спорте, в личной жизни. Но почему-то все время что-то мешало. В самый последний момент удача подводила, результат уплывал из рук, девушки, которые ему нравились, предпочитали других.

Даже кошка, пушистая бездомная мурка, которую он подобрал на улице, предпочла ему другого. К нему пришел коллега, не в гости, конечно, с ним тогда никто не хотел сближаться и дружить, просто дома остался рабочий ноутбук со всей базой данных, а он назавтра уезжал в отпуск, и коллега, матерясь на его пустоголовость, довез его до дома, чтобы ноутбук забрать.

Они вместе поднялись в квартиру, и он пошел в комнату, а когда вернулся, то увидел, как ластится кошка к ногам случайного гостя. Тот присел на корточки и гладил ее, запуская пальцы в шелковистую шерсть, а эта зараза мяукала и терлась головой о чужие руки. Ему она никогда не позволяла себя гладить. Только ела принесенную им еду и пряталась под кровать, откуда никогда не выходила, пока он был дома.

Тем вечером он убил кошку. Потом он и сам не мог вспомнить, как на него навалился этот морок. В памяти оставалось только, как он закрывает дверь за коллегой, уносящим ноутбук, возвращается в комнату, наклоняется под кровать, куда успела спрятаться неблагодарная тварь, а потом яркая вспышка, провал, темнота, и вот он уже держит в руках окровавленный трупик с размозженной о

батарею головой.

Спустив пакет с останками животного в мусоропровод и отмыв квартиру до идеального блеска, он лег в кровать и не вставал три дня. Поездка в Питер, где он планировал провести отпуск, накрылась. Кажется, ему звонили хозяева квартиры, которую он арендовал, внеся задаток, но он не взял трубку.

Идеальные люди не убивали кошек, так ему тогда казалось. И только на третий день, вынырнув из тяжелого сна, которым он то и дело забывался, он вдруг ясно понял, что это было не убийство, а ритуал. Кошка не понимала, что он – идеальный хозяин. Она унизила его, предпочтя чужого человека, и, наказав ее, он просто восстановил идеальную картину своего мира.

Встав с кровати, он тогда уехал вместо Питера в Сочи, где в первый раз в жизни встал на горные лыжи. И с тех пор отправлялся на горнолыжные трассы два-три раза в год. В новой картине идеального мира он неплохо освоил этот вид спорта. А вот домашних животных больше не заводил.

«Ты все такой же неудачник», – прищурившись, сообщила постаревшая мама, когда он однажды пришел ее проведать. Кажется, это было года через три после истории с кошкой. Он старался появляться в квартире, в которой вырос, как можно реже, но в тот день пришел. В тот день он убил свою мать. Потом он и сам не мог вспомнить, как на него навалился этот морок. Яркая вспышка, провал, темнота, и вот он уже держит в руках окровавленную табуретку, углом которой ударил мать в висок.

Тогда ему удалось обставить все так, словно произошел несчастный случай. Мать к тому времени болела, плохо ходила и частенько падала. Все соседи об этом знали, так же, как и о том, что нерадивый сын обычно не баловал старушку своим присутствием. Ему повезло уйти незамеченным, и позвонили ему только через четыре дня, когда соседка, встревоженная, что мать не открывает дверь, вызвала полицию.

Эти четыре дня он провел в кровати, отвернувшись к стене. Это было чудовищно – убить собственную мать и не чувствовать ни капли раскаяния. Хотя, если глубоко задуматься, в этом не было ничего, кроме восстановления идеальной картины мира, в котором матери не перевязывают своих детей изолентой за желание расчесать сыпь от ветрянки. Да, ничего чудовищного в его поступке не

было.

Пугал лишь тот риск, который был неразрывно связан с яркой вспышкой и наступающей потом темнотой. Два раза удача оказывалась на его стороне, и никто не обвинял его в том, что он сделал. Но в будущем такой подход мог сулить проблемы. Значит, требовалось изменить подход.

К тому моменту, как ему позвонила рыдающая соседка, он уже был готов стать идеальным мстителем. Кто-то мудрый не зря сказал, что месть – это блюдо, которое подают холодным. Он должен был научиться контролировать себя, не давая ярости залить голову, отключая мысли, чувства и память. И он научился. Научился терпеть, не выдавая себя, составлять четкий план по восстановлению идеальной картины мира и воплощать его в жизнь аккуратно и осмотрительно, чтобы ничем себя не подставить, не выдать. И у него получилось.

Третье убийство, на этот раз тщательно спланированное, он совершил через два года после смерти матери. Тогда он довольно долго готовился к собеседованию, которое позволило бы ему получить продвижение по службе. Возможность подняться на одну ступеньку вверх по карьерной лестнице имелась, для этого нужно было заполнить целый ворох документов, выполнить тестовое задание, и потом пройти собеседование на самом высоком уровне.

Он был уверен, что готов ко встрече с руководством и идеально подходит для этой должности, но они не просто отказали ему, а грубо высмеяли, отметив нелепость его притязаний. «У нас нет менее подходящего человека, чем вы, – сказали ему. – Это просто абсурд, что вы сами этого не понимаете. Мы не увольняем вас только потому, что вы по большому счету ничего не решаете. Вы – никто, винтик в сложном механизме. И от вас вообще ничего не зависит».

В тот момент он точно знал, что убьет произносившего эти слова человека. Не было яркой вспышки, не было провала и темноты. Он сумел удержать себя в руках. Он справился, выстоял. С работы, конечно, пришлось уволиться. Он вообще уехал из Москвы, чтобы о нем как можно крепче забыли. О нем и забыли.

Все это время он, не торопясь, собирал информацию о привычках и стиле жизни своего босса. Благодаря социальным сетям это было нетрудно. Помнится, он крайне удивился тогда, насколько беспечно люди относятся к безопасности, размещая информацию о себе в открытом доступе.

Его бывший шеф увлекался марафонским бегом и ежедневно тренировался, выбирая один и тот же маршрут, часть которого проходила по большому и довольно заброшенному парку. Там было так много скользких дорожек, а натянуть тонкую стальную нить, чтобы человек в сумерках упал и ударился головой, было совсем несложно. Как и припасти кирпич, которым можно было нанести смертельный удар, а потом правильно расположить тело на дорожке. Если все продумать, то не оставишь следов.

Естественно, он забрал с тела все, что на нем было ценного, чтобы следователи, появись у них сомнения в естественной смерти потерпевшего, могли списать все на случайного грабителя. Все эти вещи он, разумеется, выбросил, и, конечно, сделал это совсем в другом районе Москвы, после чего снова сразу уехал из города. На случай, если бы к нему вдруг возникли вопросы, он подготовил себе стопроцентное алиби, но про него никто не вспомнил.

Он был всего лишь провалившийся на собеседовании за полгода до трагедии чувак, который смиренно уволился, не выказав ни капли недовольства и работающий теперь далеко от Москвы. Никто не должен был связать его со случайным нападением в парке, никто и не связал. С того убийства прошел год. Да, точно, через три недели будет год. Здесь, на горнолыжном курорте, он вдруг об этом вспомнил.

Глава четвертая

Перед большим домом стояла деревянная беседка, построенная таким образом, чтобы защищать от ветра и снега. В ней на широкой лавке за деревянным столом сидели два подростка – уже знакомая Патриции Эмилия, дочка Кайди и Айгара, а также мальчик лет четырнадцати с подвижным лицом и выразительными темными глазами. При виде Патриции они оторвались от какого-то важного занятия и уставились на нее.

Темные глаза были точь-в-точь как у Ирины Девятовой, из чего Патриция сделала вывод, что перед ней старший сын владельцев турбазы. При этом между мальчиком и девочкой было что-то неуловимо схожее, как часто бывает у одевающихся одинаково подростков. Общую субкультуру никто не отменял. Патриция помахала им рукой.

– А где юный сэр Ланселот? – спросила она. – Или родители уже вернулись?

– Он был тут, в беседке, с нами, – ответила Эмилия. – Мы с Игорем играем в «Монополию», а Лансюше стало скучно. Он в доме, смотрит мультики по телевизору.

– И ты не боишься оставлять его одного? – встревожилась вдруг Патриция.

– Он не один, – пожала плечами девочка. – Мама Игоря прибирает комнаты, и она согласилась присмотреть за моим братом.

– Тогда все в порядке, – согласилась Патриция. – Обещаю тебе, что я тоже за ним присмотрю, потому что я замерзла и собираюсь посидеть в гостиной у камина.

– Если вы хотите еще кататься, то лучше будет через какое-то время снова вернуться на гору, – сообщил Игорь. Голос у него уже начал ломаться, поэтому говорил он басом, готовым то и дело сорваться на фальцет. – Завтра вы не сможете выйти на трассу.

Ни на какую трассу Патриция больше не собиралась даже под страхом смерти, но мальчик говорил уверенно, словно обладал каким-то скрытым от нее знанием.

– Почему? – полюбопытствовала она.

– Потому что мороз усиливается и поднимается ветер, – охотно пояснил Игорь. – По прогнозу погоды, следующие два дня кататься будет нельзя. Ожидается метель и температура до минус двадцати пяти. Сегодня последний ясный день. Да и мороз сейчас всего восемнадцать градусов.

Так вот почему Патриции было так холодно.

– И часто у вас так бывает? – полюбопытствовала она. – Это же горнолыжный курорт, сюда приезжают именно для того, чтобы кататься. Я не в счет, конечно, потому что я, скорее, исключение, подтверждающее правило.

– Мы в Сибири, – солидно сообщил мальчишка. – Это не Роза Хутор, так что с морозами здесь приходится считаться. В том числе и гостям базы. Два дня метелей и мороза – не так уж и много. Потом отец прочистит склоны ратраком, и можно будет снова выходить на трассу.

– Понятно, – кивнула Патриция, признаться, довольно впечатленная взрослостью тона. У такого поганца, как Олег Девятов, был вполне приятный и очень рассудительный сын. – Спасибо, что объяснил. Но я все-таки пойду в дом.

– Идите, конечно, – кивнул мальчишка. – Там мама термопоты зарядила горячей водой и свежие плюшки принесла. До обеда можно перекусить, да и погреться чаем.

Две головы в одинаковых вязаных шапках – серой и розовой – склонились над столом, на котором было разложено игровое поле «Монополии». Ну надо же, и не холодно им.

Патриция вошла в дом, потопала ногами, чтобы сбить налипший на ботинки снег, вдохнула теплый воздух, пахнущий еловыми дровами, корицей и немного каким-то чистящим средством, пристроила на вешалку свою куртку. Из гостиной доносился звук работающего телевизора, видимо, юный сэр смотрел свои мультики именно там. В коридор выглянула чуть растрепанная Ирина, кивнула Патриции:

– Вернулись? Проходите, я уже здесь внизу закончила. Присмотрите за мальчиком, пока я верхние комнаты приберу?

– Да, конечно, – легко согласилась Патриция, – только сбегаю к себе наверх переодеться и сразу спущусь.

– А я вам тогда чаю свежего заварю, с сибирскими травами, я их каждое лето собираю и сушу, очень полезно получается и экологически чисто. Хотите таежный сбор?

– Наверное, хочу, – засмеялась Патриция. Ирина, в отличие от мужа, ей нравилась. – А что в него входит?

– Две части иван-чая, одна часть листьев брусники, одна – малины, одна часть смородинового листа и чайная ложка можжевеловых ягод.

Даже от простого перечисления рот Патриции мгновенно наполнился слюной. В морозный день, сидя у камина, пить такой чай – отдельное вкусовое удовольствие.

– Здорово, – искренне сказала она. – Я мигом.

Поднявшись в свою комнату, она быстро скинула уличный костюм, переодевшись в свой любимый спортивный, натянула на ноги шерстяные носки для окончательного уюта, аккуратно убрала одежду, чтобы у Ирины не сложилось впечатления, что ее гостья – неряха, расчесала и заново собрала в высокий хвост волосы, сполоснула руки и прошлась по лицу пуховкой с BB-кремом – тональник и пудра в одном флаконе, дешево и сердито. Проверила телефон, на котором оказалось сообщение от Люськи. Подруга ныла, что никак не может поправиться, тосковала по упущенному приключению и отчаянно завидовала. Патриция написала, что любит ее всей душой, несмотря на ее занудство, и поставила смайлик с высунутым языком. Все-таки хорошо, что она сюда приехала.

Спустившись вниз, она кивнула Ирине Девятовой, что можно оставлять вахту, с благодарностью приняла из ее рук чашку горячего чая, исходящего ароматным паром, уселась в удобное кресло перед камином, блаженно вытянула ноги к огню и дружелюбно посмотрела на маленького мальчика, расположившегося на лежащей посредине комнаты волчьей шкуре. Он сидел, по-турецки скрестив ноги и неотрывно смотрел в телевизор, откуда доносилась совершенно непонятная Патриции эстонская речь. Вот она, сила интернета, можно найти мультфильм на любом языке.

– Что смотришь, Ланс?

– «Фиксики».

Открылась дверь, и вместе с облаком морозного воздуха в дом ввалились Эмилия и Игорь. Видимо, все-таки замерзли.

– Можно мы здесь на полу разложимся? – спросила вежливая Эмилия. – Мы вам не помешаем?

– Нисколечко, – заверила Патриция, которой очень нравились эти дети.

Она вообще любила детей и иногда сильно тосковала, что у нее их нет. Отвлекшийся от «Фиксиков» сэр Ланселот внимательно следил за тем, как сестра и ее новый друг раскладывают на шкуре игровое поле и карточки. Спустя пять минут игра уже кипела вовсю. Патриция позволила себе углубиться в телефон. Отпуск – это прекрасно, но работу никто не отменял, и ее нынешний шеф, хоть и находится сейчас в Мексике, отправленный туда заботами самой же Патриции, но задание прислать все-таки может.

Нынешнего работодателя она уважала и ценила, потому что мужиком он был порядочным, требовательным, но не въедливым, свято соблюдающим границы и ценящим профессионализм в любых его проявлениях. Самодуром он, наоборот, не являлся, посредине ночи с требованием срочно доставить в его загородный дом йогурт с маракуйей не звонил, если обстоятельства все-таки требовали внеурочного звонка, то всегда извинялся.

О своей «особенной ситуации» Патриция ему рассказала в первый же день работы, будучи уверенной в том, что сейчас он выгонит ее из своего кабинета раз и навсегда, но он сдвинул на лоб очки, ужасно модные и стильные, в золотой оправе, и скучным голосом сообщил, что имеет привычку наводить справки о будущих сотрудниках до найма на работу, а не после, а потому сейчас никакие факты ее биографии не могут его ни удивить, ни взволновать. Больше они к этому вопросу никогда не возвращались.

Задание в почте действительно было, хотя и небольшое, и Патриция ловко справилась с ним минут за десять. Отправив нужное письмо, она отложила в сторону телефон и вдруг обнаружила, что перед ней стоит Ланселот Нильс и смотрит требовательно и внимательно.

– Тебе что-то нужно, малыш? – спросила она.

– Где ахха? – спросил он строго. – У тебя есть? Ты можешь мне дать?

– Что у меня есть? – спросила она, решив, что не расслышала. – Сахар? Нет, я пью чай без сахара.

Юный сэр с негодованием отверг ее глупое предположение. Нет, сахар ему был не нужен.

– Он, наверное, говорит «mahla». Это «сок» по-эстонски, – сообщила Эмилия. Но и это предположение оказалось неверным.

– «Ахха» – это жарко? – пришел черед Игоря разгадывать загадку. – От камина, наверное, жарко. Можно кофточку снять.

Сэр взвыл от непонятливости окружающих. Вздохнув, его сестра сделала еще одну попытку.

– «Ахха» – это «paha», «плохой»? – спросила она. По лицу сэра было видно, что снова мимо.

– У тебя есть «ахха»? – снова требовательно спросил он, не сводя глаз с Патриции, и протянул маленькую ручку, сложив ладонь ковшиком.

– Может, «рубаха»? – с верха лестницы предположила слышащая разговор Ирина.

– Неку, – грустно сказал сэр.

– Я знаю, ахха – это птаха, – воскликнула Эмилия, но ее брат снова покачал головой.

– А может, это деваха? – уточнил Игорь, у которого от мыслительного усилия сошлись брови над переносицей.

– Какая еще деваха? – возмутилась Эмилия ревниво. – Тут только одна деваха – я.

– Ну, тогда я не знаю, – тут же отступил на исходную позицию младший Девятов.

– Послушай, Ланс, а ты можешь показать, где обычно лежит ахха? – спросила Патриция, которую ужасно смешило все происходящее.

Мальчуган пододвинул свой рюкзачок, в котором лежал большой разноцветный попугай (потерянный в прошлый раз «папагой»), раскрыл его во всю ширину и уточнил:

– Палью ахха.

– Много ахха, – автоматически перевела на русский Эмилия и вдруг стукнула себя по лбу, – ну, конечно, он имеет в виду raha – деньги.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/martova_lyudmila/taynu-proshepchet-lavina

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить